«Есть на свете три столицы...»: история и «городской текст» Луховиц в рассказах горожан

ОЛЬГА БОРИСОВНА ХРИСТОФОРОВА [1], [2]

✉ OKHRIST@YANDEX.RU
ORCID: 0000-0001-5041-2335

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Христофорова, О. Б. (2021). «Есть на свете три столицы…»: история и «городской текст» Луховиц в рассказах горожан. *Фольклор и антропология города*, *IV*(1–2), 94–155. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-94-155.

Летом 2019 года в рамках проекта «Народная история России» (https://pastandnow.ru/) состоялась экспедиция в г. Луховицы Московской области. Целью было изучение местной коллективной памяти, городского текста и вернакулярных районов, оценки истории города и тех изменений, что произошли за шестьдесят с лишним лет со дня его основания. Были взяты 11 глубинных интервью, в основном у представителей старшего поколения, лично присутствовавших при образовании города и его активном развитии в советскую эпоху. Проводилось наблюдение за повседневными практиками горожан, их поведением в общественных пространствах. Изучалось брендирование города (городской музей, памятники, билборды, медиа). В публикации приводятся материалы по «народной истории» Луховиц: рассказы луховичан о городском пространстве и об их жизни, тесно связанной с историей города, — о повседневных заботах и бытовых трудностях, праздниках и развлечениях, наиболее памятных для них событиях и значимых локусах. В частности, публикуются высказывания на следующие темы: Соцгород — начало (1950-е — начало 1960-х годов), авиационный завод, события (гибель и похороны летчика-героя Воробьева, капсула с посланием в будущее), праздники (Новый год, День молодежи, 1 Мая и др.), детские игры и досуг молодежи: от 1950-х к 1990-м, летний отдых, городские локусы (Сушково, Самара, Комсомольский парк, кинотеатр «Космос», Мамыкин бугор, Черемушки, греческие дома, Репинский пруд, карьеры), памятники, местные бренды и др.

Ключевые слова: коллективная память, народная история, городской текст, Луховицы, столица

"There are three capitals...": History and "urban text" of Lukhovitsy according to the townspeople

Olga B. Khristoforova [1], [2]

✉ OKHRIST@YANDEX.RU
ORCID: 0000-0001-5041-2335

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

To cite this article:
Khristoforova, O. (2021). "There are three capitals…": History and "urban text" of Lukhovitsy according to the townspeople. *Urban Folklore & Anthropology*, *IV*(1–2), 94–155. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-94-155. (In Russian).

In the summer of 2019, as part of the project "The People's History of Russia" (https://pastandnow.ru/), an expedition took place to the town of Lukhovitsy, Moscow region. The aim of this field trip was to study local collective memory, urban text and vernacular districts, as well as to study how the residents assess the history of the town and the changes that have occurred in more than 60 years since its foundation. Eleven in-depth interviews were taken, mainly with senior citizens, who were present in person during the formation of the city and its active development in the Soviet era. The daily practices of the townspeople and their behavior in public spaces were observed. City branding of Lukhovitsy was also studied (city museum, monuments, billboards, media). The article also contains materials on the "people's history" of Lukhovitsy — local residents' stories about the urban space and their life, closely related to the history of the city, — about everyday worries and difficulties, holidays and entertainment, the most memorable events and significant places. In particular, comments upon the following topics are published: Socgorod — The beginning (the 1950s — early 1960s), the aircraft manufacturing plant, notable events (the death and funeral of the flying hero Vorobyov, the placing of the time capsule), festivals (New Year celebrations, Youth Day, May 1st, etc.), children's games and youth leisure since the 1950s and up until the 1990s, summer vacations, city loci (Sushkovo, Samara, the Komsomol'sky park, the "Kosmos" cinema, Mamykin's Hill, Cheremushki, the Greek houses, the Repin pond, the pits), monuments, local brands, etc.

Keywords: collective memory, people's history, urban text, Lukhovitsy, capital

«Есть на свете три столицы — Москва, Зарайск (Рязань, Питер, Пекин, Париж, Рим…) и Луховицы» — эта пословица ходит, с некоторыми вариациями, среди жителей небольшого подмосковного города по меньшей мере уже несколько десятилетий. В первоначальной (насколько нам удалось выяснить) версии (1950–1960-е годы) «второй столицей» был Зарайск (наиболее близкий город, куда в то время ездили за продуктами и промтоварами), затем, в 1980-е, его сменила Рязань[1]. Здесь, с использованием напрашивающейся рифмы, юмористически обыгрывался небольшой размер города и его местоположение между Москвой и Рязанью на железнодорожном направлении Москва — Челябинск и на федеральной трассе М-5 «Урал». В дальнейшем, с распадом СССР, место мира заняла Россия, а место Рязани — Санкт-Петербург («культурная столица» России[2]), появились в вариантах Пекин, Рим и Париж (хотя в интернете пишут, что «второй столицей» Париж был и в досоветские времена[3], но «на земле» этому нет подтверждений). Как бы то ни было, отношение пословицы к территориальному положению Луховиц до сих пор сохраняется — о нем говорит растяжка на надземном переходе на 132-м км трассы «Москва–Рязань», появившаяся в постсоветские годы (первоначально с «Рязанью», затем в версии с «Питером», ныне снова с «Рязанью», см. *Илл. 1*). Если для местных жителей эта пословица — повод посмеяться над собой (или, в разговоре, над тем, кто пытается равняться с явно превосходящими по статусу), то проезжающие по трассе автомобилисты не на шутку удивляются и пытаются найти основания для такого громкого

[1] Ср. юмористическую загадку тех же лет, связывающую для луховичан их город с Москвой и Рязанью: «Длинная, зеленая, пахнет колбасой» — «Рязанская электричка» (основной вид транспорта, на котором луховичане добирались до Москвы до появления рейсового автобуса и распространения личных автомобилей).

[2] Местные жители связывают эту замену с личной инициативой тогдашнего главы района С. С. Тектониди, см. далее в интервью.

[3] https://diary.ru/~lubitelnitsa/p161446682_v-rossii-tri-stolicy-moskva-piter-luhovicy.htm

заявления. В итоге в интернете можно найти размышления о Луховицах как «огуречной столице» России или как о «родине российского флага» (в селе Дединово, ныне Луховицкого района, был построен в 1669 году первый российский парусный фрегат «Орел», ходивший под триколором). Что же думают местные жители об этих гипотезах? Об этом пойдет речь в конце публикации, а сначала несколько слов о «третьей столице России».

Луховицы — районный центр (до 2017 года) на юго-востоке Подмосковья, ныне центр городского округа областного подчинения. Городской округ Луховицы граничит с Коломенским, Зарайским, Егорьевскими округами Московской области и Рыбновским округом Рязанской области. Центр округа, г. Луховицы, будучи административной единицей с 1957 года, для местных жителей состоит из нескольких локусов. В него входит и частная застройка, растянувшаяся на 6 км вдоль рязанского тракта (он же трасса М-5)[4], и пристанционный поселок Луховицы, возникший в 1863 году при железной дороге Москва — Рязань[5], и частная застройка, тянущаяся на юго-запад от ж/д станции Луховицы вдоль дороги на Зарайск[6], и, наконец, пос. Новый, или, неофициально, Соцгород, образованный в начале 1950-х годов при строящемся авиационном заводе, самая современная и «городская» часть Луховиц — возникшая как классический советский соцгород сталинской архитектуры (с 2–4-этажными домами, школой, детским садом, профсоюзным клубом, кинотеатром, больницей, магазином и баней), постепенно обросший более поздней застройкой — «хрущевками» и «брежневками», Дворцом культуры, новыми школами и детсадами, магазинами, почтой и другими объектами инфраструктуры. Соцгород был образован вокруг предприятия оборонной промышленности, поэтому был закрытым, этот статус был снят в 1996 году.

Летом 2019 года в рамках проекта «Народная история России»[7] состоялась экспедиция в Луховицы. Мы разговаривали с местными жителями у них дома и во время прогулок по городу, посещали музеи и общественные пространства, наблюдали за повседневными практиками луховичан. Были взяты 11 интервью, в основном у представителей старшего поколения, лично присутствовавших при образовании города и его активном развитии в советскую эпоху. Нас интересовало, из каких элементов состоит локальный текст, что входит в местную коллективную память, как оценивают жители города первые годы его истории и те изменения, что произошли за шестьдесят с лишним лет со дня его основания.

Ниже опубликованы материалы по «народной истории» Луховиц — рассказы луховичан об их жизни, тесно связанной с историей города, о повседневных заботах и бытовых трудностях, о праздниках и развлечениях, о наиболее памятных для них событиях и значимых локусах[8]. На иллюстрациях — фотографии Луховиц и его жителей в 1950–1960-е годы (из архива автора), в 2019 году (сделанные автором в ходе экспедиции).

[4] Это бывшее село Глуховичи/Луховицы, известное с XVI века, а ныне так называемые Старые Луховицы.

[5] С 1930-х годов и до сего дня — административный центр города и района. Там находятся органы управления, памятник Ленину, к которому в советские времена шли колонны демонстрантов 1 мая и 7 ноября, краеведческий музей, Вечный огонь и другое sine qua non любого советского райцентра.

[6] В конце этого 19-километрового отрезка, перпендикулярного трассе М-5, находится бывшее село Сушково со знаменитой бревенчатой Казанской церковью XVIII века.

[7] https://pastandnow.ru/

[8] Фрагменты интервью публикуются с некоторой обработкой — убраны повторы слов, вводные слова, хезитации.

Соцгород: начало (1950-е — начало 1960-х годов)

1. [А когда здесь начали строить город, так и назывался «Соцгород» или как-то иначе?][9]

АНД[10]: Поселок Новый. Да. Ну а поскольку потом мы все-таки привыкли к «Соцгород» и даже на автобусах было написано «Соцгород» — социалистический городок. Таких было очень много, соцгородов, по нашей стране. Как первые дома вот эти построились там, только «Соцгород» мы и говорили — «в Соцгороде» ‹…›

[А как вы относились к этим людям, которые приехали из разных мест страны и стали тут жить?]

Сейчас я расскажу вам. У меня отец — рабочий. Здесь уже ДОК [деревообрабатывающий комбинат] начина[лся], он из Коломны [Коломенский машиностроительный завод] перешел сюда, на ДОК работать, да. Я ‹…› — 6–7-й класс. Ну, все равно еще пацанята. Значит, мой отец — рабочий, мама моя — домохозяйка. У меня в друзьях, самой лучшей подругой, была Рема Байдова, у которой мама была директором нашего кинотеатра «Космос» [ул. Гайдара, 4]. Папа у нее был майор, военный. Жили они — вот здесь двухэтажный дом. Это мои были лучшие друзья. Несмотря на то что ее мама Марья Моисеевна вроде бы такая интеллигентная женщина была, с весны до самой зимы, где-то вечерами особенно, когда свободное время, они всегда у нас были. Далее, семья Голодновых. Их сын учился со мной в одном классе, его сестра постарше была. Иногда мы у них иногда собирались. «Так, скажет, — приходите, ребята, пойдемте ко мне. Пойдемте ко мне, мама блины испекла». ‹…› Ведь вот здесь первые дома, большие дома, первые дома большие — ну, вот финские домики — строились они для офицеров, финские домики, там, в основном, жили семьи офицеров [двухквартирные одноэтажные дома по ул. Пионерской, *Илл. 2*]. А вот четыре 3-этажных дома, кирпичные [ул. Жуковского, д. 6, 8, 10, 12] — это между школой № 9 [ул. Гайдара, 2], улицей Гайдара и улицей Жуковского ‹…› [Это] общежития, их четыре было общежития. ‹…› И вот они самые первые появились на свете *(Илл. 3)*. Но мы здесь жили, в общем-то, уже после войны, когда начался строиться наш город, мы жили ‹…› Фильмы мы смотрели, потому что там, где сейчас базар [пространство перед почтой — ул. Жуковского, 2/8], — там же была пустота. ‹…› Там было огороженное такое, забор, там, будем считать, летний кинотеатр — там нам показывали фильмы. Фильмы были — недорого стоили, но когда у нас денег не было, то по изгороди — там столько дырочек уже было проделано, поэтому мы поглядывали в эти дырочки с улицы. И слышали все. А когда еще и этого не было, воинские части находились — сейчас я скажу примерно где: вот там, где построена больница наша [ул. Мира, 39/5], — там была воинская часть, и мы бегали туда. Когда солдатам показывали фильмы какие-то — мы бегали туда подсматривать эти фильмы. То есть ни больницы, ничего еще не было здесь, вот это было луховицкое поле. Это не кунаковское, это луховицкое поле было [относящееся к с. Луховицы, на юге от д. Куна́ково, в сторону Рязани]. А вот за улицей Пушкина, вот в том направлении [на север от Кунаково, в сторону Москвы] — это тоже земля была не кунаковская, это была злобинская… [Село] Злобино было, да. А в том направлении [в сторону Зарайска] — это была кунаковская земля. ‹…› И земля принадлежала колхозу ‹…› имени Ильича.

[9] В квадратных скобках здесь и далее — вопросы автора, в них же в текстах интервью — авторские пояснения (адреса упоминаемых объектов, восстановление речевых утрат, необходимое для понимания текста).

[10] АНД — Авчина Надежда Дмитриевна, родилась в 1941 году в д. Кунаково, ныне часть г. Луховицы, работала учительницей в школе, ныне на пенсии.

2. ДНГ[11]: В [19]53 году ‹…› мы приехали [в Луховицы] ‹…› А это была улица одна [в 1957 году названная 40 лет Октября], и старенькие вот эти дома справа-слева *(Илл. 4–6)*, и баня была, и магазин, и школа была ‹…› Мы когда сюда приехали — это был Соцгород. Завод-то уже стоял. ‹…› А у бабушки нашей [Клавдии Максимовны Щепкиной, матери ДНГ] — у нее была специальность «строитель», поэтому ее сюда с удовольствием взяли, потому что строительные объекты здесь строили. Завод строила она. Вот этот Дом культуры «Старт» — это она строила. Под ее, как говорится, руководством. Она там росписи делала, давала добро, давала заключения, что вот это не годится, нужно вот переделывать. ‹…› Завод формировался, нужны были люди, и бывшие военные ‹…› И вот у нас здесь эти финские домики — у нас здесь все их знают, потому что они в финских домиках сначала жили. Здесь же ничего не было, кроме финских домиков. ‹…› Сюда была прикомандированы части какие-то военные — может, пленные или чего… Вот начинали с финских домиков, потом вот эти дома [двухэтажные по ул. 40 лет Октября] ставили. ‹…› Они такой конструкции, эти финские домики — как временное жилье. А потом люди благоустраивали там, что-то сносили, что-то достраивали. ‹…› Это улица Пионерская, а парк Комсомольский. ‹…› Люди приехали сюда — вот связано с заводом, — и им сразу давали жилье, вот эти финские домики. ‹…› В них же не было ванны. У них была только одна раковина на кухне. И они ходили мыться только в баню. Они рассчитывали эти дома… мама говорила, что эти рассчитаны дома на 20 лет. Они простояли полвека, если не больше. ‹…› Мы приехали — они уже стояли. Но они шлакоблочные, то есть даже они не кирпичные и не деревянные, ну, в общем, времянки. ‹…› А когда мы приехали — уже несколько домов было. Вот нам дали квартиру — мы жили с соседями. Потом еще одну дали квартиру, там попросторнее, но там трое соседей было.

[А эти соседи — они тоже были из разных мест приехавшие или местные?]

Да, конечно [приезжие], местных здесь вот… Местные жили — это вот Сушково, Куна́ково, понимаешь? ‹…› Тут домов не было, ничего не было. У нас это поселение — Луховицы — это были деревянные дома, этих каменных домов не было. ‹…› Мы как приехали — нам дали… ну, мы прожили, может, месяц какой-то вот в этих старых домах буквально... А потом, когда вот этот дом уже сдали [ул. 40 лет Октября, 36/7], то нам сразу дали там квартиру *(Илл. 7)*. Но там было три семьи, на одной кухне. ‹…› Раковины грязные-грязные… И взяла — половину помыла, половину — нет. До сих пор помню, представляешь? ‹…› Вот если в подъезд войти — там будут ступеньки вниз, там подвальные помещения. Эти дома были с подвальными помещениями. И знаешь, для чего? У нас же газовых плит не было, были дровяные плиты, которые топились дровами. И эти нам подвальные помещения давали, потому что здесь дрова привозили, мы распиливали их, вот на этой площадке, сюда спускали. А потом, когда нужно купаться, мы пару чурбачков отпиливали и топили титан. ‹…› Нагревается вода в этом титане, открываешь кран — и горячая вода. ‹…› И самое интересное — ванну наливали половинку; сначала маленьких запускали, потом больших. ‹…› В одной воде. Сначала маленьких мыли, а потом уже… сначала тетеньки, потом дяденьки.

3. РАИ[12]: Сначала было, когда приехали, дровяное отопление. Но тогда у меня еще и в сарае не было ни фига. Тогда солдатики работали; пойдешь к ним,

[11] Демина Нина Георгиевна, родилась в 1946 году в г. Астрахань, в Луховицы приехала с родителями в 1953 году. Работала инженером на ЛМЗ (см. сноску 15), ныне на пенсии. Жена ДБВ.

[12] Разуваева Анна Ивановна, родилась в 1925 году в д. Доронино Бронницкого района Московской области, в Луховицы приехала с мужем, летчиком, из Игарки в 1953 году. Работала на ЛМЗ, ныне на пенсии.

дашь им бутылку — они тебе напилят, и дрова принесут тебе: «На, бабуль!». То есть не «бабуль», конечно — я еще молодая была, а сейчас бабулька. Плита была — такая здоровенная, чуть ли не в полкухни.

Топили дровами. Колонку… как ее?.. В ванной стояла у нас колонка — тоже дровами топили. «Титан» называется.

ДНГ: Это я застала, когда вот меняли эти плиты — какая радость была! Мы все бегали, когда эти плиты кирпичные убирали, разбирали все и подводили газ.

РАИ: Я, когда дровами еще топили, я здесь [ул. Пионерская, 21] жила *(Илл. 8)*. ‹…› Ну, отопление, конечно, котельная была эта, в квартирах-то было тепло, хорошо, отопление было подведено. ‹…› И котельную дровами [топили]. Бывало, привезут березу целую. [*Смеется.*] ‹…› Вот мы с Машей Симоновой — не хотелось топить, она говорит: «Давай пойдем с тобой в баню, попробуем». Я говорю: «Ну, пойдем». Баня-то рядом [ул. 40 лет Октября, 34] *(Илл. 9)*. И пошли мы с ней. Ну, конечно, не как сейчас в бане. Тогда все же хоть дровами, но прохладновато было. Парной такой… только у мужиков, у женщин не было парной. Все такое было — по-деревенски, в общем. Ой, а потом, когда газ дали — у! мы здесь зажили. Я помню, утюг — угли клали туда, зажигали, гладили. Все было, все пережили. [*Смеется.*] Электричество… свет-то был. Телевизоры-то у нас были. У нас в [19]53 году, уже мы приехали, электричество было, телевизор.

4. АНД: Я была еще такая [показывает рост — небольшой] и всегда ждала, когда мой отец получит получку — а он работал на Коломзаводе — и в воскресенье я с ним пойду на базар, на [ж/д] станцию [Луховицы]. Где сейчас там [Вечный] огонь. ‹…› А зачем? Он мне купит то, чего я попрошу. А что я могла попросить?

ДНГ: Леденцы…

АНД: Продавалось очень вкусное топленое молоко с такою с пеночкой. И еще. Вот когда вот сейчас даже мы где-то встречаемся, праздники какие-то, и вдруг появляется красная икра. А я говорю: «Кто хочет — ешьте, я не буду, я ее не люблю». Мне отец в те времена покупал эту красную икру, и она была… в таких вот бочоночках продавалась. В станции, там был буфет. В этом буфете вот большие стояли большие бочки с пивом и маленькая бочечка с красной икрой. Мужчины приходили пиво пить, с красной икрой бутербродами закусывали. Мой отец не пил, поэтому он приходил, чтобы купить этот бутербродик. ‹…› А когда уже вот подросли уже мы немножко — ну, когда меня мама могла выпустить ‹…› с ребятишками, то мы каждый вечер отца встречали — ходили на конец деревни. А наш дом стоял на повороте, вот на улице Жуковского, на завод, вот так. Меня всегда сопровождала наша кошка. Отец встречал, отщипывал от пирожка кошке кусочек и мне — остальной пирожок. Вот мы съедали. Пока кошка не съест. И мы дальше шли. У нас уже это было как закон. Привозил пирожки. И эти пирожки все рабочие называли «пирожки с котятами». Когда первый пирожок мне принесли, я плакала и говорила: «Не буду есть! Мне жалко котенка». Ну, такая наивная была. Мне жалко котенка. Потом, когда посмотрела, я опять в слезы: «Это котенка сюда мне положили?! Не буду есть».

5. ДБВ[13]: А что я помню из своего детства? Тяжелое было детство. В 6 утра ходил в очередь в булочную, чтоб купить буханку черного хлеба. Где сейчас «Куриный

[13] Демин Борис Вячеславович, родился в 1947 году в Винницкой области, в Луховицы приехал с родителями (которые родом из с. Любичи ныне Луховицкого района) в 1953 году. Работал инженером на ЛМЗ, затем в ОАО «Диаскан», ныне на пенсии. Муж ДНГ.

двор» [«Куриный дом», ул. Воробьева, д. 4]. ‹…› С 6 утра. Потому что, если утром не купишь, потом днем нигде черного хлеба не найдешь. А про белый-то вообще разговора не шло — его вообще только после войны начали печь. До войны белого хлеба вообще в СССР не было практически — только в ресторанах, может быть. [Это был] [19]61–[19]62-й. Как раз, когда героически целину осваивали. А с хлебом была напряженка.

6. ДНГ: Напротив [дома 36/7 по ул. 40 лет Октября] — там вообще ничего не было, там был пустырь. И на этом пустыре мы его в костерик и опаливали, поросеночка. Ну, купили на рынке поросеночка. Он у нас похрюкивал немножко, мы ему загончик сделали, в квартире. А потом опалили и съели.

[А съели семьей или устраивали какое-то пиршество?]

ДНГ: Семьей, конечно, ну, тут что-то устраивали. Я так понимаю, что гости какие-то были, и вот, поросеночка вот этого зажарили.

[А вообще, гости часто приходили в гости?]

ДНГ: Ну вот ходили друг к дружку, ходили.

[И дети друг к другу ходили, да?]

ДНГ: Ну, ты знаешь, как-то… Вот Татьяна может сказать, моя [подруга], потому что ‹…› там, в финских домах жили они, и они там все друг к дружке в гости ходили. Дети играли в одном месте, они гуляли в другом. ‹…› А мои родители как-то не очень гуляли, я не помню, чтобы… Друзей было мало. Они-то вот как-то — то ли они вместе приехали, некоторые друзья вместе приехали. А мы здесь одни приехали, семья наша одна, понимаешь. Может, друзей мало было. ‹…› И потом мы сами выращивали [овощи]. У нас земля была, возможности были, свои огурцы были. И солили, и все. ‹…› Вот где дрова [хранились] — там же у нас и картошка. И моркови хватало [на всю зиму]. И свеклы. ‹…› Нам от завода давали всем участки под картошку. Около завода распахивали, например, по соткам, вот, и, например, 3 сотки на семью на картошку. И вот мы… а мы, молодежь — куда? Родители-то на работе, нам надо окучивать картошку. ‹…› Сад — там сад [за больницей давали землю под сады]. А картошка — мы же без картошки тут, в магазинах никаких овощей не продавалось. Вообще. И все эти овощи нужно было самим вырастить. Ну, морковку мы, конечно, в огороде выращивали на себя; морковку, лучок мы высаживали; немножко помидор чуть-чуть у нас, огурчиков было чуть-чуть. А картошка — вот в этих полях. На полях около завода там все распахивали под картошку. И вот дедушка говорит, как он на велосипеде… Вот делянка, и все — давай окучивай. И вот жара, все… ‹…› У нас там огороды были за кинотеатром [«Космос»]. А где выращивать огурчики, помидорчики? И пока мы сад-то… Чтобы сад-то поднять — сколько надо времени. А нам надо было сразу. И, я ж тебе говорю, овощи-то не продавали никакие. А за кинотеатром овраг, и в этом овраге давали землю, и огородики — вот представляешь — такая узенькая полоса, следующая узенькая полоса — и у каждой свой хозяин. Никаких загородок не было. И мы там выращивали муромские вот эти огурцы, которые ткнешь, и он сам растет ‹…› вот просто зернышками сажали, и все. В конце мая сажали зернышками, и огурцов была тьма. Самое интересное — это деляночки такие небольшие, ну, что там у нас: лучок, морковочка, свеколка, там, редька какая-нибудь, репа. И вот эти делянки, и между ними никаких загородок не было вообще. И вот к этой речке [Вобле]… Там вот, собственно говоря, с бугра идешь — и речка. И вот это вот место — вот всем давали огороды. Ну, народу-то мало было, а ведь надо было где-то что-то сажать. ‹…› Мы жили в коммунальной квартире. Земли у нас, вот поскольку там дали деляночку, все-таки маловато, да. Единственное что — мы

шли на рынок и на рынке покупали. И картошку тоже, если нам не хватало, например, на зиму. И морковку, и свеклу. На рынке. В магазинах не было овощей. Ну на рыночках были — люди же занимались. ‹…› При бане был рыночек маленький — ну, столы, где торгуют там огурцами-помидорами. Вот там рядом с баней были.

[Это окрестные жители из деревень привозили?]

ДНГ: О, так они же, деревни-то тут, Господи, тут полно — и Су́шково, и Старые Луховицы. Там деревень-то полно, и они все возили. Вот на рынок, на базары. Огурцы, конечно, они в Москву возили, а вот эту мелочовку же не повезут они в Москву — они здесь продавали излишки, как говорится. На рынке мясо было, как сейчас помню, 3 рубля свинина ‹…›, говядина — 5 была. А государственная цена была 2 рубля. Так мы вот ехали в Москву и покупали мясо. Что-то нам было дорого на рынке купить. А есть люди, которые только на рынке покупали. Они сами занимались огурцами, у них деньги были. ‹…›

[А вот еще про электрички говорили, которые…]

ДНГ: Пахнет колбасой что ли, да? Ну, собственно говоря, мы же за мясом-то в Москву ездили. Можно было на рынке купить, но нам было дорого. Отец пошел на пенсию, и ему от нечего делать — он за мясом все время катался в Москву. В [19]69-м году я замуж вышла, и в это время он уже был на пенсии и ездил. ‹…›

[А как так получилось, что этот город отдельный, при заводе, стал восприниматься как часть Луховиц?]

ДНГ: Ну, он и воспринимается как Соцгород — вот ты понимаешь? До сих пор мы его называем Соцгород, хотя официально на остановке написано «Поселок Новый». Какой же он новый с [19]53 года? Ему уже… Остановка «Поселок Новый» — гастроном внизу [ул. Жуковского, 1]. Сейчас и называется. «Поселок Новый», да. Иногда на автобусе ты видишь: «Вокзал — Ларино». А иногда написано: «Ларино — поселок Новый». То есть он до гастронома доезжает, разворачивается и в обратную сторону едет.

7. НМИ[14]: А он же статус города когда приобрел? Он же поселок Новый был. Потом его назвали Соцгород, но Соцгород — это так, это, по-моему, социалистический город как-то… Я не знаю, это официальное было? По-моему, нет. ‹…› Улица 40 лет Октября ‹…› 31-й дом по улице 40 лет Октября, там восьмиквартирные дома были. ‹…› А сейчас эти дома сносят, практически снесли… осталось несколько домов. Это двухэтажные щитовые домики — вот эти были вот финские домики. ‹…› И вдруг их снесли, и так стало грустно; вот проходим — нет нашего дома. Строился тогда — там ничего еще не было. Баня была, строился 11-й магазин [ул. 40 лет Октября, 32], который сейчас вот под какой-то [фитнес-] центр сделали, да. Строилась больница *(Илл. 10)*. Мы по этой траншее бегали, гуляли. Наша школа [школа № 2, ул. Мира, 12] была уже *(Илл. 11)*. Строился «Космос» — кинотеатр, который сейчас в «Пятерочку» превратили, тоже очень грустно *(Илл. 12–13)*. И все. И что было? Вот этот магазин [ул. Жуковского] — дом № 1, где сейчас гастроном *(Илл. 14)*, да, и вот тоже — там был только один фундамент. У меня даже фотография есть: мы еще учились в 10-м классе, он еще недостроенным был. ‹…› Вот была улица — 40 лет Октября. Напротив вот этого первого гастронома забор был — там солдаты фильмы нам показывали. Теперь там, где музыкальная старая школа [ул. Жуковского, 10] — это были солдатские

[14] Новикова Мария Ивановна, родилась в 1947 году, в Луховицы приехала с родителями в 1952 году. Работала учителем в школе, ныне на пенсии.

казармы. И четыре… и солдатские казармы — это на ДОКе были. Вот весь город был. А все остальное — было поле, поле. Ведь город образовался из деревень: Куйбышева улица, улица Пушкина, которая не была Пушкина, а была Сушково и Кунаково. Ну, те улицы — вот 8 Марта — я их просто по детству и не помню, поскольку мы туда не вылезали. Вот мы так очень долго жили, на этой улице; главный проспект — улица 40 лет Октября. Вечером у нас там был променад. ‹…› Вот где сейчас булочная [ул. Жуковского, 9-а], остановка-то напротив «Космоса», да — там был солдатский гараж. Здесь, где вот сейчас улица Жуковского — это было поле, тут сажали картошку. Где наша школа, родная, любимая — там всегда было болото, там до середины лета стояла вода. Низкое такое место было. С этой стороны давали сады. Вначале вообще садов не было, сотки. Вот эти сады, вот от больницы которые — они были давно *(Илл. 15)*. Я помню, когда уже тут жили — из школы идешь… я уже здесь [на ул. Набережной] жила… май… а тогда — сейчас же все сдвинулось по времени, а тогда весна… как-то 25 мая нас отпускали. Я помню — одуванчики цвели, солнце, хорошо так, идешь по этим… Сады уже были. Мы называли это «маленькая дорожка». Улицы Мира в помине никакой не было, и дороги там не было, ничего не было. Просто тропинка была. Мы всегда говорили: «Как пойдем домой — по большой дороге [ныне ул. Жуковского] или по тропинке [ныне ул. Мира]?» А вот здесь вот все было голо — поле пустое. И с этой стороны тоже там. Потом стали давать по нескольку соток под садики. Потом их снесли, когда дома вот эти построили. И внизу, где стадион вначале был, там тоже давали под огороды участочки — по одной сотке. ‹…› Ее не было, [улицы] Жуковского. Я очень хорошо помню, что дорога — домов нету, поля, с этой стороны поле, с этой… ставили такие защитные щиты, снег чтобы не наметало, и долго-долго там снег стоял. ‹…› А мы жили вот в этих двухэтажных домиках. [Ванны] не было. Не было даже газа. ‹…› Был 9-й класс, мы сдавали экзамены, помню, математику. И мы тогда… нам проводили газ. ‹…› Вот давали как[ое]-то временное жилье, пока расселяли квартиры, проводили этот самый газ. Но там уже ванны, в тех домах, были. Они, правда, топились такими титанами. А мы — нет, мы в баню ходили. ‹…› Там мы жили. Жили очень хорошо. ‹…› Вначале у нас была двухкомнатная квартира. А у Копытовых трехкомнатная была, но они две комнаты занимали. Я еще помню, тетя Тамара — а мебели никакой не было, — я помню, тетя Тамара ставила вот этот манекен на одной ноге (она шила), и у них у первых появился телевизор — вот этот с линзами, КВН. И мы все ходили к ним, «на телевизор» это называлось. Вот. А к Сычевым… на втором этаже Сычевы жили… он был председателем исполкома, а жена его была главным врачом нашей больницы. А к ним мы на елку ходили. А мы — три семьи — жили в двухкомнатной квартире, причем одна была проходная; большая комната, маленькая, кухня и коридорчик. Вот так мы жили. Потом вот нам дали трехкомнатную, но опять — одна комната отдельно, одна и проходная. Три семьи — это шестеро взрослых, шестеро детей, в каждой семье по двое, да, и бабушка. Поэтому начали строить вот эти вот «скворечники», я их называю [частные дома на ул. Набережной]. Только поэтому. ‹…› Собирались мы… Не было такого, чтобы запирать. Вот эти вот наши дома — восьмиквартирные, вот двухэтажные [по ул. 40 лет Октября], — там же хорошие площадки такие, там же деревянные они все. Вообще-то детство было замечательное. ‹…› Нам Генка собирал малышню вот так, и тогда что ж, не было телевизоров, он нам простынь натягивал и диафильмы крутил. В нашем дворе это было вот. Прямо на улице. И вечером, когда вот так стемнеет, он нам диапроектор выносил и развлекал нас так. ‹…› А Нина Александровна — у них… Они большую-большую елку привозили всегда, у них трехкомнатная квартира была, в большой комнате елку ставили и собирали деток. Хороводы водили, подарками нас одаривали, вкусными конфетами, которых у нас не было, может быть… ‹…› Вот я всегда

вспоминаю эти вот наши дворики. Какая-то эстрадная певица: «...где рождения справляют и навеки провожают всем двором… где нет зависти и злости…» «Городок», да вот… Как раз вот мне всегда, как только эту песню поют, у меня всегда это ассоциируется вот с теми нашими дворами. Ну, это не только у меня. «Золотые шары в палисадниках…» Как-то дружно жили, не было действительно ни зависти, ни злости. Все друг друга знали, было какое-то доброжелательное очень отношение, да. ‹…› Представляешь, как [сейчас] стали жить? Вот раньше у нас умирал кто-то на улице, — а у нас же несколько переулочков — всей, что называется, улицей хоронили, поминки все устраивали, всех приглашали. А сейчас я выхожу… Оказывается, у нее дядя Володя [умер] — я даже не знала. Дядя Женя умер — я не знала. Через забор живем. Ну что: умерли, из ритуального зала унесли и все. Как-то это превратилось уже вот в какую-то обыденность. И раньше… Я вот иногда вспоминаю, говорю: раньше город был молодой. Даже в тех же деревнях — все равно молодое было население достаточно. И любая какая-то… Уход из жизни — это было целое событие такое вот, потрясение даже, да. А сейчас… Я вот хожу на работу или в магазин. К церкви идешь, как только выходной, выйдешь если к 12 часам — постоянно, каждый день отпевание, каждый, каждый день. Каждый Божий день. ‹…› А так отца первого похоронили — он умер у меня рано, в 58 лет — его отсюда несли на руках по всего Жуковского, по 40 лет Октября к тому дому, где мы жили. ‹…› Потом вышли там на дорогу, и там уже поставили на машину. Почти 2 километра несли… А сейчас, ты знаешь, настолько стало… вот этот конвейер какой-то просто ужасный. Ну я… Валентина Ивановича хоронили… нет, Валентину Ивановну, наверное, хоронили мы… Борисовых [известные в городе учителя]. И помню, это был декабрь, погода ужасная, там что-то не получалось, тетка эта распорядительница: «Быстрее закапывайте! Там ждут». Вот так это ужасно вообще вот как-то вот, будто бы вот не человека хоронишь, а… Ну, они там, наверное, уже привыкли на кладбище, для них это работа. [Кладбище в Старых Луховицах] говорят, закрывать скоро будут, потому что уж… там ужасно огромное кладбище. Город маленький. У нас же маленький совсем город. Статус города дали почему? Одно градообразующее предприятие, и то там на ладан дышит, по-моему.

Авиационный завод[15]

1. МСА[16]: У нас в районе деревни Третьяково во время Великой Отечественной войны был аэродромчик, самолеты с которого защищали юг и юго-восток Москвы. Собственно, этот аэродром и стал причиной строительства у нас авиационного завода, который впоследствии нашу деревню Луховицы преобразовал в город.

2. ДБВ: В [19]52 году Иосиф Виссарионович Сталин дал указание наркому авиационной промышленности, в связи с тем, что территории Жуковского для проведения опытных полетов уже стало не хватать, изыскать в ближайшем Подмосковье подходящую точку для создания аэродрома и при нем летно-испытательной базы. Вот, долго смотрели — где, куда, чего… Выбрали две точки: Фруктовая — недалеко отсюда, и вторая точка, вот здесь — деревня Третьяково. Почему Фруктовая — потому что рядом железная дорога, рядом Ока, то есть снабжение: привезти-увезти легко. Ну, автомобильная

[15] Луховицкий машиностроительный завод (ЛМЗ), некогда филиал Московского машиностроительного (авиационного) завода «Знамя труда», ныне Луховицкий авиационный завод им. П. А. Воронина.

[16] Миронов Степан Александрович, родился в 1988 году в г. Луховицы. Работает в Луховицком историко-художественном музее.

дорога — она тогда была еще не очень такая, как сейчас М-5 «Москва — Урал», федеральная трасса, но все равно была. И тут все-таки и линии электропередач все были. А стали смотреть, когда по погоде за год — вот, во Фруктовой в несколько раз хуже по дождям. Там что ни гроза — то во Фруктовой. А в Луховицах смотрят — а в Луховицах максимальное количество солнечных дней в году. Потому что рядом деревня Сушково с церковью Казанской иконы Божьей Матери. ‹…› Значит, в [19]52 году это определили, и Сталин подписал лично: «В Третьяково — аэродром и летно-испытательную базу». Начали строить. Пригнали военных строителей. Первые вот эти двухэтажные дома, которые напротив бани, и саму баню старую тоже построили. Потому что без бани никак нельзя, горячей воды тогда в кране не было, титаны были на дровах. А потом, в [19]53 году, был такой в Москве 30-й завод у метро «Динамо». Вот у него был свой аэродром — Ходынское поле, но его тоже стало не хватать, потому что самолеты становились все больше и, как говорится, скоростней. И проводить испытательные полеты на территории Москвы тоже как-то не здорово, а производство-то все увеличивалось. В [19]53 году шло уже производство ИЛ-28-х. Очень хороший бомбардировщик… жалко, что Никитка [Никита Сергеевич Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС в 1953–1964 годы] их всех «порезал»: «Не нужны нам самолеты — нам нужны ракеты». Ага… Сейчас еще, в наше время, моряки говорят, вот: для моря ИЛ-28-й как разведчик и носитель какой-то торпеды, в случае чего — самое то. Скорость 800–900, запас хода приличный, стоимость у него копеечная — так что таких бы нам. Но уже, увы, давным-давно все это порезано на металлолом. Поэтому здесь было принято решение организовать филиал московского завода «Знамя труда», авиационного. Ну, он считался машиностроительный, потому что секретно все было. Авиационный завод. И здесь был филиал [этого] 30-го авиационного завода. И в [19]53 году уже первые два ИЛ-28-х здесь облетали. Ангар, большой старый ангар. Ворота для него из Германии привезли еще по репарациям. Немецкие ворота. И сам ангар по немецкому проекту построен: такие же и в Германии были. ‹…› Это сейчас построили новый корпус не так давно. И вот там строили до полсотни ИЛ-28-х в месяц. В квартальный месяц вся взлетная полоса заставлена была этими самолетами. И один за другим они летали, облетывались и шли в воинские части. Потом перешли к производству истребителей уже. Микояновская фирма тут… Ну, и суховские машины (Су-9) тоже одно время были, а потом МиГ-21-е. Я когда пришел с института на практику сюда в [19]69-м, потом, в [19]70-м уже пришел на работу в летно-испытательный цех, МИГ-21 еще у нас шли. А потом, в [19]71-м меня забрали в армию на два года. А в [19]73-м, когда я вернулся, уже шли МиГ-23-е, осваивали. МиГ-21 уже не выпускали, а осваивали МиГ-23 — самолет с изменяемой геометрией крыла: крылья убирались, складывались. И, вот, я как раз занимался электрооборудованием. Конкретно — системой автоматического управления. Ну, тот же, попросту говоря, автопилот. То есть самолет делается, все части, в стапелях, в кондукторе, так скажем. Чтобы не на коленке собрать, а чтобы из всех кусков, из всех частей собрать конструкцию, чтоб все эти конструкции были одинаковые и чтоб крыло, допустим, подходило к любому самолету… киль, стабилизатор, там, и прочие части. Вот — в так называемые стапели [платформа для постройки чего-либо]. Кондуктор — это… вот что-то делаешь, даже табуретку или стул — вот, есть какая-то приспособа, куда кладешь детали, чтоб они заняли определенное место. И только после этого ты их соединяешь: как-то там, шурупами, на клею, вот, или как-то еще… ну а с металлом — сваркой, клепкой. Но как ты ни старайся делать все хорошо — абсолютно одинаково все равно не получится, обязательно будут какие-то небольшие отклонения. Но они по чертежам закладываются — там,

плюс–минус столько-то миллиметров. Если больше — все, это брак. Контроль БТК [Бюро технического контроля] — военная приемка — за этим следит на всех стадиях производства. И, вот, когда уже собирается самолет целиком: все собирается, все оборудование устанавливается, прокладываются все жгуты, все соединяется, начинает он работать. Проверяется все сначала на земле, потом делаются полеты на балансировку механическую, на разгонные характеристики, на проверку оборудования всего, в том числе проверка систем автоматического управления самолетов. Вот, вначале на МиГ-21 был автопилот просто, попроще, но тоже были режимы. Режим стабилизации полета. То есть летчик мог задать какую-то конфигурацию самолету — допустим, горизонтальный полет или полет с набором высоты какой-то, или со снижением, или с каким-то углом крена, вот — отпустить ручку, и самолет заданное положение выдерживал и продолжал так и лететь. Ну вот. То есть можно было задать горизонтальный полет (ну, при определенной тяге двигателя), ручку отпустить и, как говорится, сиди, пей чай. Ну, чай, конечно, летчик не пил. Даже если б сильно захотел — не получилось бы: там и тесно у него было, и кружку некуда было поставить. Но во всяком случае пилотирование намного облегчалось. Автопилот сам поверял внешние возмущения: там, плотность воздуха, какие-то воздушные ямы. Летчику легче было пилотировать, чем постоянно ручку… На истребителях штурвала нет — там ручка. А на МиГ-23 была уже сложнее система — система автоматического управления, там была функциональность больше. Но каждый самолет нуждался в индивидуальной настройке. ‹…› Вот этим как раз группа, где я работал — был бригадиром в смене, — этим и занималась. То есть приходит самолет, говорят: «Вот, не держит угол тангажа», или «раскачка по крену», там, или что-то еще, и т. д. И, вот, мы его, так сказать, подстраивали.

3. ДНГ: Мы когда сюда приехали — это был Соцгород. Завод-то уже стоял, завод, цеха, полигон был уже. Полигон, 30-й объект. Зашифрованно — 30-й объект. А это был филиал Московского авиационного завода. Это была испытательная станция. То есть завод московский делал на «Динамо» самолеты, сюда привозили их ночью или рано утром, и здесь испытание было. Ну, летало здесь. [Взлетно-посадочная] полоса была и был КДП. Контрольно-диспетчерский пункт. ‹…›

[А когда его переименовали уже в ЛМЗ — Луховицкий машиностроительный завод — официально?]

ДНГ: Ну, это уже намного позже, это уже где-то в [19]60-х годах, наверное. Бабушка наша [К. М. Щепкина, мать ДНГ] ушла на пенсию в [19]70 году, она так и говорила: «Я на промзоне». Это называлось «промышленная зона», промзона, объект № 30. Вся документация была в Москве, финансирование, она часто туда, в Москву, ездила. Она сначала в СМУ работала, а потом ее пригласили объект на заводе строить. Она строила котельную, цеха. ‹…› И она говорила: «Я работаю на промзоне» *(Илл. 16)*. ‹…› В [19]70 году вот она собиралась уже уходить на пенсию — он уже был как филиал Московского авиационного завода, ММЗ. А этот — ЛМЗ. Секретность была.

4. СНП[17]: А потом мы когда ездили ночью в Москву [на машине] ‹…› И сюда шли ночью — полицейская машина, милицейская… и самолеты тащили со сложенными крыльями. И мы все останавливались и не проходили. Ночью перетаскивали сюда вот.

[17] Старкова Нина Павловна, сестра ЛГП, родилась в 1945 году в с. Рождествено Карагайского района Пермской области, в Луховицы с 1970-х годов приезжала в гости, с 2002 года переехала насовсем; на пенсии.

ЛГП[18]: Их только в восемьдесят каком-то, в [19]87 что ли, наверное…

ДНГ: [МиГи] 29-е сюда перестали [возить].

ЛГП: [До этого] их собирали в Москве и ночью привозили сюда, в Луховицы, на отработку.

СНП: Испытательный полигон.

ЛГП: И шло, значит, так — несколько мотоциклов, машина милицейская. Просят в сторону: «На обочину! На обочину! На обочину!»

СНП: А в лесу сидит шпион и фотографирует.

ЛГП: Да ладно уж! Кому это нужно? ‹…›

[А вот по ночам их возили — как часто?]

СНП: Их 30 штук в месяц делали.

ДНГ: Каждый день делали самолет, каждый день выпускали. ‹…› Их сколько лет вот так возили. У нас не было цехов как таковых. Ангар надо было большой.

ЛГП: До [19]90-го, наверное. Нет, когда у нас… когда вот у нас это построили?

ДНГ: Нет, мы делали основные части — крылья, там…

ЛГП: Крылья делали, это везли все в Москву, в Москве стыковали, обратно нам возвращали уже готовый самолет. Сюда его привозили в 39-й цех, в 39-м его полностью отрабатывали. В лаборатории нашей КИСО было, и ребята вот все-все системы отрабатывают на земле, и потом уже бригада отправляла его в полет первый здесь.

ДНГ: А уж стали собирать-то намного позже.

ЛГП: А потом построили огромный-огромный ангар…

ДНГ: … и стали собирать. Корпус большой [самолета] стали собирать уже здесь. ‹…›

ЛГП: [Ангар] для больших самолетов.

ДНГ: Суперджет хотели [строить].

ЛГП: Вот. И сразу с этого [ангара] огромная эта… полоса — сразу выйти на взлет туда.

ДНГ: И стали собирать здесь. А тут завод уже все, закрылся.

События

***Гибель и похороны летчика-героя Воробьева*[19]**

1. МСА: Воробьев, да, у нас он летчик-испытатель, у нас долго работал на заводе, он сам не местный, не луховицкий. Тем не менее в послевоенное время он у нас жил и работал. Он испытывал самолеты. В войну он тоже был летчиком военным, у него там тоже масса наград, не только Герой Советского Союза ему в войну было присвоено, много других наград есть. Там написано: за оборону Сталинграда и прочее. Он испытывал в 1965 году 21-й МиГ, испытывал в свой день рождения, на сорокалетие свое. Причем внеплановое было испытание, машина довольно капризная, у него случилась неполадка во время полета, и

[18] Лаврентьева Галина Павловна, родилась в 1942 году в с. Рождествено Карагайского района Пермской области, в Луховицы приехала с мужем в 1970 году. Работала инженером на ЛМЗ, ныне на пенсии.

[19] Иван Григорьевич Воробьев (24.01.1920–24.01.1965) — майор Советской армии, участник войны, герой Советского Союза (1944), трагически погиб во время испытательного полета на самолете МиГ-21 возле г. Луховицы. Именем И. Г. Воробьева в городе названы улица и парк, в 1965 году в парке был установлен памятник, позже замененный на новый.

самолет начал падать. Он пытался увести самолет от города и плюс пытался в целом исправить эту неполадку и хоть как-то его посадить, чтобы самолет хотя бы частично уцелел. Когда он уже от города самолет увел, он понял, что самолет посадить ему не удастся, он катапультировался, но уже было поздно и парашют не успел раскрыться, и он погиб. Так что его там ждали на заводе, скажем так, на полосе, его друзья, чтобы отправиться с ним праздновать его сорокалетие, но случилась такая вот трагедия. Наши заводчане ему установили сразу памятник, он раньше стоял ближе к «Космосу», где сейчас «Пятерочка», сейчас его немножечко перенесли, но он в том же парке, это парк имени Воробьева, у нас в его честь назван, и памятник там ему стоит. Наши заводчане очень его уважают, и 9 Мая, например, когда у нас городской общий митинг вот здесь проходит, где Вечный огонь, а там до этого митинга, причем и глава там присутствует, администрация, и ветераны, они там, заводчане, устраивают свой митинг именно у памятника Воробьева.

ЛГП: Иван Григорьевич [Воробьев]. Самое главное, что он погиб в тот день, когда его в ресторане, в Москве, уже накрытые столы были. Должны были отмечать, после его полета отмечать его день рождения. А он погиб.

[А почему многие летчики-испытатели тут погибли, а герой — Воробьев?]

ЛГП: Самое главное, что он, во-первых, над городом не упал… Он мог тут разбить много кое-чего. А потом уже у него высоты не хватило, и он погиб: он не смог раскрыть парашют. Если бы у него было хоть высоты какой-то, да. ‹…› На автопилоте она бы все равно… она бы теряла высоту без него. Он же это, как сказать… над городом могла все это… порушить же все могла.

ДНГ: Он мог катапультироваться намного раньше и жизнь себе спасти, но хотел машину сохранить. Поэтому до конца не выпрыгивал. И вот 300 метров ему не хватило раскрыть парашют.

ЛГП: Он хотел ее [машину, самолет] посадить. Но на город он не может посадить; он ее выводил из города для того, чтобы… хотел посадить. Но не срослось, не срослось.

2. [А вы помните, как Воробьев разбился?]

ЖИН[20]: О, это Воробьев! Он на глазах, можно сказать, у меня разбивался. ‹…› Это, между прочим… я уж забыл фамилию, который был этот летчик ‹…› за каждым летчиком, который облетывает самолет, закреплена машина. Он там сделал 2 или 3 полета ‹…› а потом было так, дай Бог памяти… Ну, короче говоря, зам. главного инженера ‹…› Он, значит, в выходной день, надо летать было, ну, уже конец месяца. А, значит, тот летчик — что-то он не явился на полеты. А это было воскресенье. А этот, зам. главного инженера, он отвечал за летную часть. Ну, он чего: Воробьев был старшим летчиком, и ему, значит: «Иван, Иван...», его Иван звали, ну, по батюшке — уж забыл… ему: «Может, полетишь?» — «Ну, чего — полечу, будем облетывать». То есть не его был самолет даже. Он как старший летчик, ему подготовили — садится, пошел в полет. Пошел в полет, и там отказала система АРУ [автоматическая ручка управления]. Я был в комиссии, ну, там схимичили — ну, не буду это говорить ‹…›. И он пошел. Он все, уже, можно сказать, полет заканчивается, и хотел идти на посадку. А потом у него вот эта система АРУ ‹…› отказывает эта система, автоматика не работает, и он на малой высоте уже здесь идет, и как привык — они, как обычно, ручку, там… дал, допустим, там, 20–30 градусов, и он, самолет, его

[20] Журбенко Иван Николаевич, родился в 1930 году в д. Поныри Курской области. Участник войны. В Луховицы приехал в начале 1950-х годов, работал инженером на ЛМЗ, ныне на пенсии.

слушается. А он же так, на малой высоте, так же дает, но руль, стабилизатор отклоняется на большой угол. А раз на большой угол — значит, сами понимаете, эффективность его тоже это… И вот он шел он то вниз, то вверх. Ну и, короче говоря, он уже потом понял, и самолет пошел на пикирование, и он катапультировался здесь вот… там, за чугункой [одноколейная ж/д, связывающая песчаные карьеры, Луховицы и Зарайск]. Ну, высоты… это сейчас сиденья другие — можно даже с земли катапультироваться, а тогда были сиденья СКА-1, старые. Он это… парашют не распустился, да, не раскрылся, как надо. Ну, и он, короче говоря, живой… то есть внешне нормальный, а…

[А почему именно его считают героем по сравнению? У нас же много таких случаев было — погибли летчики при испытаниях.]

ЖИН: ‹…› Ну, все-таки он заслуженный был, Героя Советского Союза за войну получил, ‹…› имел столько вылетов боевых. ‹…› Ну, как человек был… очень я его хорошо знал, мы часто с ними разговаривали ‹…›. Ну, и, короче говоря, вот этот зам. главного инженера заставил его лететь, и вот он и погиб.

[А вот правду говорят, что самолет бы над городом упал, если бы он его не увел? Или это легенда уже?]

ДНГ: Ну, вот именно, что якобы он получил вот это — что его именем и улицу назвали, и все…

ЖИН: Ну, знаешь… ну, да… ну, или я забыл, или… ну, если я не знаю — чего я вам буду говорить?

ДНГ: Это, наверное, скорее всего, легенда.

ЖИН: Ну, не знаю. Ну, он Герой Советского Союза — ему и надо.

3. [Анна Ивановна, а вы помните Воробьева? Когда погиб Воробьев — помните его похороны?]

РАИ: Ну, помню я, когда погиб он, но я не бегала, правда. А у нас, из моего отдела, кто-то из девчонок бегал, и она говорит: «Ой, Анна Ивановна, какой кошмар! Крыло там, там одно… Но он сидит, — говорит, — в кабине. Он сидит в кабине».

ДНГ: Даже не катапультировался?

РАИ: Кабина не разлетелась, а там, вот где вот эти были пассажирские — эти все разлетел[и]сь. Считай, одна кабина у него была. И он просто… как сказать?.. он об чего-то очень ударился головой сильно, и у него вот сюда вот, говорит, какую-то… вытаскивали какую-то штуку, рассказывали. Говорит, легкие даже он поранил все себе. Вот рассказывали. Я не ходила. Я не пошла. Я не могу. ‹…›

[А здесь прощание-то было?]

РАИ: Ну, было, как же, все.

[А где? В «Космосе»?]

РАИ: Ну, «Космоса»-то еще тогда не было у нас.

ДНГ: Был «Космос».

РАИ: А, был «Космос»?

ДНГ: Конечно.

[Это [19]65 год…]

РАИ: Ну, тогда в «Космосе»… только в «Космосе». А правильно, я вот помню…

4. ДНГ: Это улица Воробьева — она идет от школы [школы № 2, ул. Мира, 12]. А почему так называется, знаешь? По этой улице хоронили его. [Везли] от нашего… у нас одно было здание — кинотеатр «Космос». По-моему, тогда еще [ДК] «Старта» не было. Ну, ты знаешь, где мы жили-то? По улице Воробьева последний дом [ул. Воробьева, 13]. А вот от нее дорога была к «Космосу». Вот от «Космоса», вот там прощались с ним, и по этой дороге, по улице Воробьева, его несли. А я с балкона, со второго этажа [смотрела] ‹…› Летчик, который… у него авария была с машиной, и он его отвел, чтобы не на город упасть. Поэтому он считается как герой.

Капсула с посланием в будущее

1. [Речь идет о капсуле с посланием, которая была заложена в Доме культуры «Старт» в 1968 году]

ДНГ: Да, для будущих комсомольцев. «Комсомольцам [20]18 года». И вскрыть эту капсулу в юбилей комсомола.

[И мы сейчас идем к месту, где эта капсула была заложена. А ее вскрыли в [20]18-м году?]

Нет, конечно. Уже и комсомольцев не было, вообще никого.

[И что сделали?]

Ничего. Так, замуровали это место. Там была сначала такая табличка…

[Капсулу не достали, а место замуровали? Она тут была, да?]

Да, где-то на этой стене вот. Там была табличка такая большая. Вот, наверное, вот здесь вот, между окон. Я знаю, что на этой стене где-то, вот рядом со входом. Наверное, вот здесь *(Илл. 17, 18)*.

Праздники

7 Ноября и 1 Мая

1. ДНГ: Демонстрации… Прямо до [ж/д] станции пешочком. Вот по улице Жуковского. У «Старта» обычно собирали. Транспарантики нам давали разные, шарики. И шли. А оттуда уже — была у нас там машина, мы транспаранты должны были положить, и пешочком оттуда. И вот представляешь, каждый год *(Илл. 19)*.

2. РАИ: Кто где [отмечал]. Кто дома. Вообще-то у нас, конечно, когда вот 1 Мая, если демонстрация, — собирались все у «Старта». Свои отделы, цеха, у всех свои там какие плакаты какие-то, транспаранты эти вот. С флажками. Вообще много ходило, конечно, народу раньше. А сейчас, мне кажется, туда никто и не ходит.

25 июня — День молодежи

1. ДНГ: В День молодежи мы ездили туда, на станцию, и около, где озера. День молодежи у нас 25 июня был. И отмечали там, где Захаркины жили, это называлось «кулацкий поселок». Там была ветлечебница, и вот в районе ветлечебницы мы проводили вот эти вот праздники-то молодежи.

[А что вы там делали, на этом празднике?]

А там, в основном, торговая точка была. Ведь снабжение же очень было плохое, в магазинах никаких ничего же не достать было.

[Просто покушать приезжали?]

Да. Вино пили. Вино вот было. Ну, танцы устраивали, музыка была, конечно, и по гармошке какой-то. Я сейчас не помню… Нет, частушки я не помню. Частушки. Мы как-то не занимались такими вещами. Никогда частушки не пела. Ну, просто музыка звучала, и люди просто тусовались. Ну, что, не знаю, может быть, и коврики стелили, может, в карты играли — не знаю, чем занимались. Ты спроси у дедушки, чем они на День молодежи занимались.

Нет, ну понятно, он же с ребятами общался, а я с девчатами. У нас разное было *(Илл. 20)*.

Новый год

1. ЛГП: И мы вот как раз с [19]72 года, по-моему… начались у нас «огоньки». А где продукты брать? Вова за руль, мы все сели — и в Москву. Вино, все закупали, продукты. И в ДК «Старт», в малом зале, нам давали этот зал официально, новогодние «огоньки». У нас были сценарии, у нас было все, и все возили мы вот на этой «Волге». Вот я не знаю, поначалу выделял завод [деньги] или нет, потом он немножечко выделял. А вообще мы собирали сами. Собирали сами, сами все накрывали на столы, там, кто-то что-то готовил, приносили, в общем, и… ну, до двух, до трех мы танцевали. Старались 31-го, если мы заранее там это [займем зал]. ‹…› Но «огоньки» были, не только мы. Мы начали, наверное, и ОГК… а потом многие цеха вот так вот. ‹…› По графику. Мы старались занять, чтоб на 31-е, с 31-го на 1-е. Мы украшали зал, мы сами лепили шар, вот этот вот. Бились зеркала, лепили на этот шар. На заводе — нет [нельзя было устраивать]. ДК «Старт» был заводской Дом культуры. Сейчас-то он районный, его забрали.

Детские игры и досуг молодежи: от 1950-х к 1990-м

1. ДНГ: [В 1950-е] во дворе мы играли в дочки-матери. Мы в магазин любили играть: устраивали такие весы, рвали травку, взвешивали, туда-сюда, покупали… *(Илл. 21, 22)*.

Вот сейчас мы если пойдем по той вот улице — вот это наше было место. Вот где напротив [Школы искусств] «Орфей» [ул. Мира, 3], вот по этой дороге — мы там играли. И чертили «классики», прыгали… А знаешь, почему? А могу объяснить. Там трубопровод очень близко к земле подходит, и там всегда ранней весной все таяло. Везде кругом снег, а там дорожка была свободна. Ну, она была… какая-то мостовая, и она была освобождена от снега. Ну, типа асфальтика там что-то было. И мы там чертили «классики» и играли. Уже в марте месяце мы уже си́гали там, уже все, уже снега там не было. ‹…› Зимой мы по этим улицам — по улице Мира, по улице Жуковского — катались на коньках. Прямо по этим по улицам катались на коньках. Наверное, дороги не чистили, они были обледенелые — мы на них катались. Тогда были популярны коньки, и мы на коньках прямо вдоль дорог катались. По тротуарам, конечно, не на дорогах. По тротуарам ездили. Каток был на [ж/д] станции, где стадион «Спартак» [ул. Пушкина, 12]. У, там какой был каток замечательный! Музыка, выдавали коньки, чай, было все, в общем. ‹…› Вот как-то лыжами не очень. В основном, было популярно — коньки. Санки, на санках катались. И могу еще сказать, какой у нас был досуг. Вот это вот здание, которое гастроном [ул. Жуковского, 1]. Его фундамент построили и заморозили на несколько лет. Вот представляешь, там перекрытия были кирпичные, вот это вот все здание. Ну что там — вода была, а зимой снег был. И мы там тусовались. И прыгали в снег, и на плотах катались. ‹…› А потом решили… и как уж они восстанавливали? Представляешь, на этом фундаменте 5 лет — там все,

там было не поймешь чего… Но как-то вот просушили, потом начали дальше [строить]. Денег, что ли, не было — не могли построить. Начали и бросили. ‹…› И очень любили — на санках катались с гор. За «Космосом», с горки там катались.

2. ДБВ: Дом, где гастроном, был построен намного позже [домов по ул. 40 лет Октября]. Там был заложен фундамент, и много-много лет — лет 6–8, а может, и десять — там был только фундамент. Зимой там все заметало снегом, весной там все это таяло. А поскольку фундамент — он в земле, — то там, естественно, получалась вода, а сверху лед. Потому что и осенью там была вода. И там были льдины, и мы на этих льдинах катались, внутри этого фундамента. ‹…› Весной оттаивало, а льдины тают позже, чем снег. И, вот, мы там катались. Интересно было, весело. ‹…› А зимой на коньках мы катались напротив нашего дома — улица Воробьева, дом не помню… 4-этажный дом [ул. Воробьева, 7]. Здесь сейчас стоит памятник А. С. Пушкину. Там было футбольное поле, а зимой заливали каток. На краю этого катка стояла деревянная горка, высокая ‹…› Ее тоже поливали водой — получалась такая ледяная горка. И мы оттуда на коньках, с этой высоты, катались. От того, что катались много раз, внизу, где горка кончалась, а начинался каток, — там получалась яма потихоньку. И вот летишь на коньках оттуда — так, в полуприсядку — с горки когда в эту яму. А потом подскакиваешь, летишь по воздуху — ты уже приземляешься на коньки уже на катке и катишься там метров 30—40—50 — у кого сколько получится — до снежного отвала. Ну, каток-то чистили — по краям были снежные отвалы. Зимы были такие, что зимой луж практически никогда не было. Были только или морозы, или так, чуть потеплее. Так что снега было кому по пояс, а кому и по шейку. Вот сейчас вспомнить, как мы катались… вот заставь оттуда на коньках спуститься… Это ж скорость-то мгновенно набирается. А летом за «Космосом» тоже горка — на велосипедах с этой горки спускались. А там тоже — где ровно, а где не очень. Я вот раз въехал в большую такую яму. Короче, «Орленок» [велосипед] согнулся так, что не выправишь, а я «ласточкой» летел несколько метров. Но, хорошо, приземлился удачно. А зимой катались с этой горки на лыжах. А она шла — горка-горка-горка, а потом выравнивалась, а потом был такой обрывчик — как бы небольшой трамплин. Ну, и вот с этого трамплина тоже несколько метров летишь, приземляешься на поле и катишься почти до [реки] Вобли. Она широкая тогда была.

3. ДНГ: Улица [Воробьева] параллельно 40 лет Октября прямо от школы идет, прямо от школы — и пошел туда [к нынешней улице Жуковского]. И вот за этой дорогой, туда, вообще ничего не было. Никаких домов, ничего. Там давали землю — мы картошку там сажали первые годы. Вообще там ничего не было. И на этом поле мы устраивали Масленицу. Заливали каток и ставили вот такие… ну, как это называется?.. санки, салазки, и по кругу вот так вот… Праздновали ‹…› проводы [зимы]. И вот я вот хорошо помню — устраивали такую вот… штырь такой, и от нее вот эти штуки, санки… и по кругу так катались. ‹…› Карусель на льду. [Организаторы] от завода же были культурные, вот эти… типа Репина, который занимались, как говорится, бытом [см. далее Репинский пруд]. А вот там, где сейчас у нас напротив гастронома пустырь [пространство перед почтой — ул. Жуковского, 2/8, — где сейчас рынок], — там был каток у нас. Там елка, музыка была.

4. НМИ: Что было хорошо: почти в каждом дворе — вот особенно здесь, когда стали строиться вот эти «Черемушки» [жилые дома от Больничного проезда в сторону Набережной, между улицами Мира и Жуковского], — были спортивные площадки. Вот в школе уроки закончились и… у нас спортивного зала в школе ведь не было, у нас был обыкновенный класс — ты помнишь? — на первом этаже, это потом пристройку сделали уже к школе... А у нас не было спортивного класса. Но мы все равно на соревнования лыжные… у нас тогда 1-я и 2-я школа — две школы были. И спортом много занимались: и волейболом, баскетболом, и легкой атлетикой. Как-то у нас время… было интересно. Телевизоров тогда как-то мало было. Я не знаю, когда у вас появился телевизор? Ну, здесь-то [на ул. Набережной, по-местному — на Мамыкином бугре, см. далее] мы уже были — был у нас [телевизор].

ДНГ: Ну, во всяком случае, детей отпускали самих по себе гулять.

НМИ: Да тогда и не было такого, чтобы не отпускать.

ДНГ: А сейчас ребенка нельзя.

НМИ: Никаких ситуаций таких не было, чтобы… Я не помню ни одной.

ДНГ: Гуляли сами по себе.

НМИ: Я, единственно, помню, что на моей вот жизни, такой сознательной, школьной… тогда хоронили маль[чика], его тогда сбила машина на Черной речке. У него отец там работал. Вот это единственная, по-моему, смерть была. Вообще не было. И не боялись ничего: ни гулять, ни ходить. Если такого понятия — страха — не было. На каток мы ездили зимой. Я не знаю, вы ездили или нет?

ДНГ: А как же! Стадион «Спартак».

НМИ: На стадион. А потом, помнишь, у нас каточек вот здесь, в городе был, где сейчас вот эт[а] булочная, новая остановка, булочная [ул. Жуковского, 9 а] — вот там заливали каток, там катались на катке.

5. ДНГ: Школа вторая [№ 2]. А на ней написано — [19]52 год. ‹…› То есть мы приехали — ее как раз в этот год построили. ‹…› Вот она, наша школа. ‹…› И я хорошо запомнила ту дорожку, по которой я встретилась с Татьяной [подругой]. Первый человек, которого я встретила, была она. ‹…› И мы с ней когда гуляем, она говорит: «Ты помнишь?». Я говорю: «Конечно!» Как нам тут было хорошо *(Илл. 23)*. Вот этот вот парк относился к школе, вот эту потом загородку сделали *(Илл. 24, 25)*. Это все было школа, это мы сами все тут сажали. Тут были грядки. Мы что только не выращивали! Кролики у нас были. ‹…› Директор школы жил в школе, и они разводили кроликов. Вот, они здесь жили и разводили кроликов. И мы участвовали в этом: носили траву разную, морковку нарезали, клетки у нас были и всякое это самое… выращивали мы. Я помню, сельдерей здесь выращивали.

[Да? А куда это потом девалось?]

Ну, все потом разводить уже не стали тут, и уже сейчас-то это не школа. Это уже не школа.

[Нет, я имею в виду, вот вы выращивали, а куда это шло, вся эта продукция?]

Я так думаю, что этим, которые здесь жили.

[То есть не в школьную столовую, условно говоря? То есть школьники работали на директора?]

А нас приучали к труду, понимаешь? А чтоб мы этим пользовались — это я не помню, чтобы мы этим пользовались.

[А может, вас кормили? А как вас кормили в школе?]

У нас был вот завтрак: киселек, молочко, компотик с булочкой с какой-нибудь — вот и все.

Это вот обед, вот это я помню: нам разносили компот; очень хорошо помню этот киселек с булочкой. А вот чтобы мы что-то еще ели — этого я не помню.

ДБВ: Вот, и я во второй класс уже пришел во вторую среднюю школу — где сейчас Центр досуга [Центр развития творчества детей и юношества, ул. Мира, 12]. Школы там, на этом месте, нет, а в этом здании Центр досуга. Вот, и там со 2-го по 11-й класс учился. Было профтехобразование — я считаю, это хорошее дело. Какое-никакое, не то чтобы какая-то, там, профессия — просто само отношение к труду — это тоже очень большой элемент воспитания. Мы раз в неделю ходили на ДОК — деревообрабатывающий комбинат, который рядом с заводом авиационным. Он тоже делал и контейнера для перевозки самолетов, и кое-что еще. Вот там был 22-й цех инструментальный, начальник цеха был Евгений Иванович Орехов. Институт он окончил как раз по этой части, и он нам читал лекции: структура металла, металлообработка. Читал на очень хорошем уровне — не как даже для школьников, а по институтскому курсу. Ну, и практически — руками… берешь болванку и долго-долго, шмыгая напильником, делаешь из нее молоток. Или берешь железяку, размечаешь, высверливаешь, шмыгаешь напильником и делаешь из нее ключ.

[Это с какого класса вы уже туда ходили?]

Ну, 9–10–11-й класс. Ходили туда пешком — через поле, через [реку] Воблю. А в перерывах гоняли там в футбол — начиная с осени, и зимой. Ну, одевались, естественно, во что похуже — что не жалко, как говорится, испачкать, когда шмыгаешь напильником. Ну, и в футбол погонять — тоже не жалко. Да и не было хорошей лишней одежки.

6. НМИ: Школа была средоточием вообще всего. Ты помнишь? Наши эти новогодние вечера, бдения с Григорием Палычем, украшение зала, пацаны любили очень. Вообще мы школу очень любили. Я не знаю, Нина, как ты. Может быть, я всегда это такая, немножечко идеализировала все. Для меня школа много очень значила в то время. Больше ничего не было, в принципе. А, был профсоюзный клуб. «Старта» не было, профсоюзный клуб был в одном из этих четырех домов, там, на первом этаже [ул. Жуковского, 10]. Ты не помнишь его?

ДНГ: А как же! *(Илл. 26)*

НМИ: И когда мы учились в 9-м, по-моему, 10-м, 11-м классе, помнишь, были так называемые университеты культуры. То есть из Москвы приезжала группа артистов, вначале нам читали лекции, а потом был концерт. Причем это не была вот эта поп-музыка какая-то, а нас знакомили с оперой. Вообще было замечательно! Я детство свое вспоминаю с большим удовольствием.

7. ДНГ: Профсоюзный клуб был. [Музыкальной] школы как таковой не было, был профсоюзный клуб, и там был кружок для занятий на фортепиано — взрослые не ходили, дети ходили. И уже потом из этого профсоюзного клуба организовали школу музыкальную, и при открытии я была первая. Первая музыкальная школа, и я — первая ученица этой школы, первая по счету *(Илл. 27)*.

РАИ: А так здесь ничего. Вот деревня была Кунаково, и все.

ДНГ: Но понятие «профсоюзный клуб» было, потому что там всякие кружки были. Вот где общежитие — там было специальное отведено место, и это у

нас был профсоюзный клуб. Там мы организовывали танцы у нас, в профсоюзном клубе…

РАИ: Да, да, танцы.

ДНГ: Буфет. ‹…› Для нас там все это было радость, потому что дефицит был всего, и… ну, бутербродики...

РАИ: И бутербродики были, и, конечно, сладости…

ДНГ: Булочки.

РАИ: И булочки были, печенья там, конфеты какие. Так, было все, все…

ДНГ: И самодеятельность была всякая-разная. Кружки были, и вот там устраивали вечера и концерты.

8. ГВВ[21]: А мы-то раньше, пятачок-то вот, где 9-я школа [ул. Гайдара, 2] — там был пятачок. Мы маленькие были — мы не застали, чтобы там танцы, чтобы мы ходили. А наблюдать туда ходили, на бугор, где 9-я школа.

ДНГ: Ну, где «Космос».

ГВВ: Да, [там] танцплощадка была; взрослые танцуют, а мы наблюдаем. А потом вот профсоюзный клуб — это уже мы застали. В профсоюзный ходили.

ДНГ: А это вот общежитие где, вот там был профсоюзный клуб. И там всякие кружки были, самодеятельность была.

ГВВ: Да. Мы в театральный ходили. Я ходила в театральный, там была такая интересная женщина, вела [кружок].

ДНГ: Я помню ее — Вера, по-моему, звали.

ГВВ: Вера, Вера. Ее не Вера… Виктория или Вероника — как-то, да. Вот. Ходили мы, я занималась, ходила, например.

ДНГ: Я тоже ходила. Да, да, фотографии есть, [играла в спектакле] «Макар Чудра» *(Илл. 28)*.

9. ЛГП: Мы еще приехали — мы застали танцплощадку, вот от нее кусок бетонный остался около ДК «Старт» [ул. Жуковского, 18] *(Илл. 29)*.

СНП: Где чучело сжигали!

ЛГП: Когда идешь от [«Старта»] — это справа, и там кусок вот такой виден тонкий. Она типа кладки или что-то бетонное, что-то такое. Когда от «Старта» сюда [в сторону «Космоса»] — справа, а слева будет теннисный корт. И вот эта танцплощадка — еще мы застали ее — она была деревянным… пол деревянный, и была окружена тоже деревянн[ыми] какими-то конструкциями — ну, типа… не забора, а такая… Перила… ну, что-то было там. На танцплощад[ку]… на танцы я не ходила уже. Мы ходили в «Космос», в кино.

ДНГ: Ну, мы только туда и ходили. Принарядиться можно было только туда.

ЛГП: Да, да, да, и мы ходили вот в этот «Космос».

ДНГ: Куда еще можно было принарядиться, нарядное платье надеть… куда?

10. БИН[22]: [В 1990-е годы] по-моему, все праздники у нас только у «Старта» проходили. И все. Какие-то точки молодежные — даже не знаю. Только у

[21] Гусева Валентина Викторовна, родилась в 1950 году в г. Полоцке, в Луховицы приехала с родителями в 1950-х годы. Работала на ЛМЗ, ныне на пенсии.

[22] Бублик Инесса Николаевна, родилась в 1979 году в г. Луховицы, работает в музыкальной школе.

«Старта» проходили праздники. А! Ну и в «Старте» дискотеки были. И все, больше никаких тут особо развлечений. Кстати, в соседнем дворе какие-то проходили, по-моему, концерты, еще давно, там сцена была, вот я помню в детстве [в 1980-е годы].

ДНГ: Открытые такие площадки, там кино показывали, по-моему, даже.

БИН: Да! Что-то там было, там было здорово! Это прям в глубоком детстве было. Но потом это все прекратилось.

ДНГ: [Раньше] у «Космоса» была танцплощадка.

БИН: Танцплощадки уже не было, я не помню. Но помню, дискотеки в самом «Старте» проходили, там на втором этаже. А что на открытом воздухе, вот это вообще в глубоком детстве в соседнем дворе. В кино в «Космос» мы ходили. ‹…› А потом там видео стали показывать, вот видеопрокат. ‹…› Зимой за «Космосом», да, мы катались в детстве, горки были. ‹…› Катки у «Старта» заливались все время.

ДНГ: В мое время было напротив гастронома: вот эта площадка была большая и там заливали тоже каток. [Где стадион] — само собой, там платный был, а это просто: горел фонарь и катались.

Летний отдых

1. РАИ: И в Воблю мы ходили, плавали. Она была большая речка. Очистили ее тогда. Была хорошая. Очистили ее как следует. От моста идет вот сюда, тоже подальше. А туда дальше — уже все, ручейки были. И вот мы ходили, там загорали на берегу. За кинотеатром [«Космос»]. Песочку нам привозили первое время. А, и тогда прямо, где за кинотеатром, ну, сюда поближе, там все же прорыли ее, сделали как озеро. А туда дальше — здесь мы купались. Я помню, я даже ходила, белье полоскала туда. Вот сюда ходила, к мосту — здесь дорога и там мост. И вот я туда, к мосту ходила… коля[ска]… ну, какая у меня коляска — ну, детская была коляска, от сына оставалась. Вот, я туда бак ставлю и поехала полоскать белье. Ходила. Потому что вода ж была плохо: когда есть, когда нет ни черта. Было с водой все. Это сейчас, да, вода течет, газ идет — хорошо!

2. ДБВ: [В Вобле летом] купались и рыбу ловили. Потому что вначале она была вообще хорошая река. Даже когда еще не было плотины там, в конце, где уходит она, ныряет под автодорогу с Соцгорода на авиационный завод, даже когда не было плотины, была река такая, что пешком не перейдешь — глубоко. И даже в одном месте был островок небольшой песчаный — туда надо было плыть — и там можно было загорать. А потом, когда сделали плотину, через несколько лет туда запустили карпов. Карпы вырастали до пяти килограмм. Но поскольку весной снега было много, весной все это таяло — уровень поднимался. А на той стороне дома и огороды рядом с Воблей были. И один из крайних домов там постоянно подтапливало — и огород, и, может, и до дома доставало. И, вот, хозяин этого участка как-то тайно эту плотину подкопал — и в одну из весен ее промыло, и вся вода ушла. А вода ушла, а лед, естественно, еще — он же тает позже — опустился. И когда растаял лед — вот, лежало множество вот таких вот подносов — карпов по пять килограмм. ‹…› Это было [19]60-е годы, [19]62-й–[19]64–й примерно.

3. [В Вобле вы не купались в детстве, в ваше уже время?]

БОА[23]: Я купалась!

МСА: Я нет. Мать вот у меня купалась. Я где-то недавно вычитал в наших книгах краеведческих здесь, что было развлечение такое у нашей молодежи луховицкой раньше: когда Вобля была еще покрупнее, на льдинах плавали по Вобле. А я в свое детство, просто один год так совпало, что была подходящая льдина, и тоже мы разбегались и на ней с палкой переправлялись с одного берега на другой. Получается, что раньше у нас такая, оказывается, народная забава была…

БОА: Это же в детстве.

МСА: В детстве, да.

БОА: Вобля же в том понимании… Вы застали, не знаю, еще когда вот эти мостики, через которые переходишь, прямо по мостику, была вода? И вот эта зона, которая на улице Пионерской, если за «Космосом», сейчас это на горках за «Космосом» всегда катаются дети на санках, на лыжах иногда, на ледянках, это тропинки же уже такие, раньше тропинок там не было, там всего лишь были деревья такие, самосад. Этот овраг, когда еще не было [домов по] улице Пионерской, когда просто 9-я школа была и гаражи там под мостом, где через Воблю.

ДНГ: Короче, туда не надо было ходить.

БОА: Да, да, такое место. Но дело в том, что там была зона отдыха, там городская зона отдыха, там был городской пляж. И в разлив вся эта местность, где дорожка, в разлив это все заливалось. По сути, эта насыпь, которая на Пионерской улице, где дома стоят высоко, она сделана специально из-за того, что они, все дома, стоят на сваях. Потому что заливалась эта дорога, эта местность.

МСА: Где-то я встречал недавно фотографии, как люди в Вобле купаются.

БОА: Именно городской пляж я помню, потому что мы туда ходили с семьей, стелили полотенчико. Это [19]80-е, конец [19]70-х — начало [19]80-х. Где-то там [19]83-й, [19]82-й, [19]85-й уже, там уже все, она стала затягиваться. А еще фишка-то в чем? Там же как раз по берегу Вобли частный сектор расползся, и в свое время это само русло было, скажем так, загажено именно местными жителями. Первое: они тянули насосами, у каждого дома стоял насос, из Вобли на полив воду, они тянули эту воду. Соответственно, река не успевала наполняться, особенно в летний период. То же самое наши огурцы, наши посадки. Это же край этого Сушково как раз, которое сухое было. А они тянули там воду. И плюс еще весь этот местный хлам. У них, представляете, русло, вот заборчик, а вот русло, они вот так кидали холодильники, весь мусор, все русло было завалено, когда она уже начала сохнуть. Естественно, кто когда что чистил?

МСА: Его вот очистили, а говорят, там неправильно сделали. Оно обмелело еще сильнее и заросло еще сильнее, не соблюли там какие-то условия.

БОА: Помимо истоков, надо еще русло прочищать, чтобы вода куда-то пошла, надо сначала русло очистить, прочистить.

МСА: Ее расчистили, вода совсем прям в землю ушла вся.

БОА: Ну, что? Я говорю, я помню отчетливо, стоишь на мостике, вот вода, вот кто-то под мостиком проплывает. То есть настолько она была не мелководная, вода очень чистая была.

Речку очень жалко, это зона города, представляете, территория города в

[23] Буслаева Оксана Александровна, родилась в г. Луховицы в 1970-е годы. Работает в Луховицком историко-художественном музее.

шаговой доступности, вот сейчас на Пионерской люди вышли и пошли на пляж. Казалось бы? А представляете, сколько, даже если просто представить и задуматься, сколько нужно средств для того, чтобы… А русло-то где? Русло-то совсем далеко, поэтому… Надо же истоки сами. А потом же она еще пересекает, она же в речку Гнилушу перетекает. Видели на карте? Там она местами… Это знаете где? В районе «Авиатора» [стадион на ул. Островского]. И когда она пошла туда на изгиб, где заводской вот этот мостик, в районе Набережной, вот там это ответвление, Гнилуша она называется.

МСА: Она везде по-разному. В Рязань едешь, по навигатору смотришь — Гнилуша, а в указателе стоит — Вобля.

4. АНД: А когда мы выходили из школы, и вот наша вот эта часть Кунаково — «Самара»… У нас был, знаете, как разновозрастный отряд. Меня мама всегда говорила… Рядом, знаете, жил… он был в 4-м классе, а я в 1-м, и она ему говорила всегда: «Вовка, ты отвечаешь за мою дочку». И вот так и ходили: 1-й, 2-й, 3-й и т. д. классы. А когда осень — мы возвращались из школы «по задам» — это сзади домов огороды, и там проселочная такая дорога; с одной стороны поле, с другой — мы. Подходили к реке Вобле, так… Мы тогда ее и Воблей-то не называли, потому что родители нам говорили: «Ну, что это такое — матерщинное какое слово». «Во…» и дальше, да. А мы называли как-то ее… Называли-то по-другому мы у себя. Хорошая речка наша была. Подойдешь к ней, видно: чистенькая водичка, как эти маленькие рыбки плавают там. И через речку там был проходик узкий. С одной стороны была кругленькая… прямо кругленький омуток такой, где можно было купаться, но там глубоко. С другой стороны идет спокойно речка. И на этой стороне был колхозный огород. На колхозном огороде росла свекла. Сахарная. Но к сахарной свекле нас не очень допускали. А там еще рос турнепс. Вот это мы любили. Какие там эти сейчас редиска или что-то такое, дайкон продают. Вот дайкон продают, муж мне говорит: «Слушай, купи». Я говорю: «Чего?» — «Ну, купи вот это… пусть белый, пусть не сиреневый там, но купи. Вспомним детство: вкусы похожие». И когда мы подходили, нас всегда встречал — на берегу на следующем была кузница — кузнец, и он отвечал за этот огородик-то. Так, и говорит: «Так, не ходить! Видите, какая крапива? Это для вас! Будете… полезете — крапиву получите. Я вам сейчас продерну». И вот он нам продергивал этот турнепс, и еще капуста. Вот мне вчера принесли родственники мои кочан капусты, я посмотрела на нее и даже чуть не прослезилась. Вот она мне напомнила вот ту капусту, которая была не такой, как сейчас продают, а это вот такой огромный кочан. Он искал, и она лопалась от того, что… И вот он лопнутый найдет кочан, разрежет и начинает резать: этому, этому… Пока мы доходили до дома, то мы эту капусту-то с удовольствием всю съедали. Но это когда учились, поэтому очень любили осень, сентябрь.

НМИ: У нас еще знаешь, где пруд был? За «Космосом». Не пруд, а целое озеро. Там запрудили плотину, и там, за «Космосом», было большое [озеро], больше, чем Репинский [пруд]. Вот этот овраг весь был заполнен водой.

ДНГ: Привозили песочек.

НМИ: Был момент… Ты помнишь такое, да?

ДНГ: Да.

НМИ: Да. Купались, загорали, да. ‹…›

5. [А летом как вы развлекались?]

ДНГ: Летом — на карьер. До станции доезжали и пешочком. На первом [карьере] не купались, он был заброшенный. На втором карьере. Первый — там разработки были и неоформленный он был, первый. А на втором уже разработки не были, песок не забирали. Мы вот на второй карьер ходили, там купались. А больше я вот… На Оку! На Оку ездили. На автобусе. Ну, конечно, с родителями, мы сами-то не ездили. Мы сами девчонками ходили только на карьер. ‹…› И потом, я помню, дедушка… от завода давали машину, и мы ездили отдыхать на Осетр ‹…› вот к старому мосту, наверное, где-то [мост через р. Осетр у д. Берхино]. ‹…› Так я понимаю, что вот этот лагерь… это, кстати, бабушка этот лагерь находила. Заводской лагерь. «Лесные дали». У них… у нас был начальник [Тимофей Андреевич] Репин — вот этот, который вот — озеро-то его, да [Репинский пруд, см. далее]. Вот, они с ним поехали, он говорит: «Поедем, Максимовна, посмотрим место для лагеря, для турбазы». И вот они поехали на легковой машине, от завода им дали, и они по всему побережью проехали, и вот остановились в этом месте. Решили, что тут будут строить турбазу [заводская турбаза «Старт» на р. Осетр] *(Илл. 30)*. Вот они там проехали, им там это место понравилось ‹…› Вот, и получается, что этого лагеря еще не было, и вообще там ничего не было. И от завода давали машину первое время, я помню, маленькая была. И на этой открытой машине, представляешь, посадили всех желающих отдохнуть. Ну, в смысле, одеялко с собой, там, еду с собой — понимаешь? Нас выгрузили, у речки посидели, как говорится, покушали там, вот, и назад увезли. Это день выходного дня, так называется. А ты говоришь — куда, какой досуг? Вот так вот: от завода давали машину. Кстати, завод давал машину — за грибами, садились все желающие и ездили за грибами. Вот насчет грибов я не помню, куда нас возили. Вот отдыхать на Осетр — это я хорошо помню.

[А на Оку куда? В какое место ездили?]

ДНГ: А это ты лучше спроси дедушку (ДБВ), потому что его отец же рыбак, и он его туда возил. И как они там эти помидоры… Там же на лугах росли помидоры в естественном виде. Ну как, я даже не знаю: сажали их или чего? Там все было поле — помидоры. И вот они когда ездили на рыбалку, они брали с собой отварную картошку, соль и кусок хлеба. А помидоры на поле. Вот, и у них была эта рыбалка, и закуска — все. И ничего больше с собой не брали. Вот он и говорит, «Надо же, — говорит вот отец, — ничего, вот хлеб, помидоры, соль и что… и картошка».

6. БИН: [Летом ездили] на карьер. А! Еще на речку, кстати, на Воблю ходили под мостом, я помню, нас в лагере [городской лагерь в 9-й школе] водили купаться. Вот как идти как раз от Сушково, за «Космосом», или вот улица Полевая как идет, как к церкви идти, там речка. Вот мы в том месте купались, под мостом, там недалеко. А она еще была, может, там воды было побольше. Я помню, еще большой палец порезала там об консервную банку, там и шла с такой ногой, какой-то лист приложила там подорожника по ходу. Купались мы. А сами мы ездили купаться на первый [карьер]. [Родители одних] отпускали в старших классах. Так мы с мамой ездили на велосипеде, потом на машине, там по-всякому.

7. БОА: Не только озера, все прибрежные зоны Оки, начиная с дединовского поворота, как ехать на Красную пойму, в Дединово упирается и все-все-все: самая главная дорога, небольшая такая обочина и ивы, под каждой ивой палатка. И машины прям стоят на обочинах, то есть не вот, чтобы тебе там

куда-то заехать, спрятаться. Каждый закуток, который к воде, когда жара; этот год, наверное, дикость такая. А так в основном такие группы организованные из нескольких семей приезжают, и посмотришь иной раз, если ездишь не так часто, допустим, много дней стоят, как в отпуск приезжают, кемпинг так называемый.

МСА: Да, некоторые прям лентой огораживают территорию. Или я буквально недавно ехал, машину поперек ставят и все, туда уже не проедешь, надо назад и в другое место ехать.

[А на Осетр не приезжают с палатками? Меньше?]

БОА: Приезжают.

МСА: Приезжают. Мне кажется, там поменьше.

БОА: Поменьше, но Осетр не такой комфортный для такого купания.

МСА: Да, там, во-первых, нет песчаных пляжей, там заросшие берега у него. Плюс он более холодный из-за того, что он глубокий, очень много ключей.

БОА: И водоворотов очень много, опасная река.

МСА: Там в нескольких местах еще у нас перекаты. Но там байдарочники у нас летом спускаются, сплавляются. И вдоль него всякие эти турбазы строят.

[А вот турбаза заводская, она сейчас не работает? Помните ее?]

БОА: «Старт»? Работает. Но уже не в таком ключе, как раньше.

[Она тоже как заводская и туда путевки дают?]

МСА: Да, да.

БОА: Я не знаю, путевки сейчас оформляют? Они возобновили?

МСА: Насчет путевок не знаю. Я знаю, что у меня друг работает на заводе, он состоит в молодежи там. И у них стабильно: они своей этой компанией молодежной заводской туда, по-моему, два раза в год выбираются на выходные.

БОА: Раньше там просто была, скажем так, сервис более налажен: и кухня работала, и столовая, и трехразовое питание.

МСА: Сейчас там, мне кажется, охранник просто есть. И приезжаешь, сам себя обеспечиваешь.

БОА: Да, сейчас именно просто домик оплачиваешь в каком-то там усеченном варианте и уже там просто на природе с мангалом, уже сам по себе. А раньше это именно была путевка, как в пионерлагерь. «Лесные дали» еще заводской был лагерь.

МСА: Да, они уже не рабочие давно.

БОА: Запустение там такое, конечно. Все требует ухода, естественно, и вложений.

Городские локусы

Сушково

1. ДБВ: В Луховицах максимальное количество солнечных дней в году. Потому что рядом деревня Сушково с церковью Казанской иконы Божьей Матери. Идет с Зарайска туча, немного не доходя до Сушково, раздваивается: левая часть уходит в сторону Оки, в сторону Коломны; правая часть — в сторону Рязани. Огибает Сушково и, соответственно, огибает Соцгород, Луховицы и, соответственно, и завод [авиационный] тоже. Деревня Сушково — это не просто так называется.

2. МСА: Да, там потому что засушливая почва, она на холме находится, там в целом обычно очень сухая земля.

БОА: Сейчас она уже Сушково не называется, уже нет такой деревни, это город.

МСА: Официально нет, но все равно люди называют.

БОА: Да, это уже часть города, улица Пушкина, та, которая идет в сторону Зарайска, это городская территория.

МСА: В целом Сушково, и туда дальше тоже идет Астапово, у меня в Астапово, например, огород. Здесь дожди поливают, в Зарайске дожди поливают, а в Астапово — нет. Потому что там она на горной немножко части. Оно на глаз не очень заметно, но там выше немножко по уровню, и тучи, облака, они очень часто обходят стороной.

БОА: Хотя с Зарайска дождь — всегда наш. Вот она идет туча с Зарайска, идет, идет, вот так по прямой линии идет.

МСА: Она не всегда туда.

[Там, где церковь Казанская, Сушково рассекает эту тучу. Такое не слышали, что это с церковью связано?]

МСА: О ней, на самом деле, много есть легенд, я их не очень хорошо знаю, я знаю, что кто-то говорил, что раньше эта церковь была вообще в другом месте, ее сюда перенесли.

БОА: Деревянную запросто, сруб перебрал и все перенес.

МСА: Про эту церковь, наверное, больше ничего не знаю. Она как раз таки центр Сушково, где сухо все всегда. В принципе, такая легенда про нее вполне реальная, я думаю.

3. [А вы слышали про сушковскую сушь? Какие-то легенды?]

ЛГП: Ну, это говорят вроде как. Мы тоже слышали, что почему Сушково назвали — потому что вот дождь идет, мол, а там все время сухо. Ну, то есть как-то вот обходило. И что вот интересно, вот когда с Зарайска идет дождь, вот туда идет — она обязательно выльется здесь. А вот с других сторон — почему-то… я даже не знаю.

4. ГВВ: Почему ее назвали «Сушково»? Оно как-то получается, вот это село, деревня раньше, высоко стояло. Ну, дождь — да, поэтому… вот по рекам тучи… Оно и сейчас у нас так. Идет-идет туча, иной раз заходит — сейчас пойдет дождь. Нет, растянуло все к рекам. А нам ни капельки не капнуло. ‹…› Когда уж он не нужен — он будет лить и лить. Это как в пословицах, Боженька спрашивает: «Ты где, — говорит, — был, поливал-то?» Нет!.. [Дождь спрашивает:] «Где еще-то поливать?» А он [Бог] говорит: «Где пыль — там и поливай». А ему послышалось: «Где был — там и поливай». Так оно и получается, льет. [*Смеется*.]

5. АНД: А это вот это Сушково. Сушь была. И поэтому — кто-то мне рассказывал ‹…› что это Сушково, когда начался строить[ся] завод, и необходим был этот здесь аэродром, и ученые выяснили, что вот эта вот местность — она у нас сухая. Меньше всего здесь. У нас и правда: где-то льет, а у нас здесь нет, а вокруг нас обходит. Но это все старина. Вот опять-таки, отец и рассказывал: когда это было еще, как говорится, пацаненком, то есть еще царское время было, он говорит: «Ты не представляешь, как мы любили вот эти праздники».

А чем они, эти праздники, ему нравились? Особенно когда наступала Пасха. Значит: «На Пасху шли мы поздно туда, в ночь, в сушковскую церковь, да, и начался перезвон колоколов. Дединовские колокола мы знали. А там три церкви было. Вот начинали эти колокола бить, дединовские. После дединовских колоколов переходили… здесь вот у нас на «низах» потом Ловцы. И вот такая последовательность шла… Дединово, потом Ловцы, далее Старые Луховицы, Кунаково, Троицкие Борки, дальше до Зарайска. Вот этот перезвон мы уже, говорит, даже знали, хотя были дети, но знали, как идет вот этот перезвон колоколов, узнавали каждый колокол, как звенит». Я говорю: «Неужели все это было слышно?».

Самара

1. Наше Кунаково — деревенские дома до поворота на Городну — называлось «Самара». Вот здесь все мы и тусовались. ‹…› Отсюда начиналась деревня Кунаково и кончалась она где-то… за речкой [Воблей] далеко. Там между был какой-то промежуток, домов просто не было, и дальше начиналось Сушково — там, где храм. ‹…› А Новокунаково — это мне отец рассказывал. Вот наше Кунаково — говорили «Старое Кунаково». А Новокунаково — значит, это была кунаковская земля там, и поэтому там новые когда семьи образовывались, им выделялась — это только кто может купить эту землю — выделялась земля для того, чтобы строили себе дом и прочее-прочее. Вот, и поэтому образовалось Новокунаково. ‹…› Мой еще отец был пацаненком еще в те времена. Он у меня 1899 года рождения. ‹…› Когда вот с этого, с мостика [через Воблю], поднимаешься на Кунаково, и там такой поворот, там такой отросточек есть нашего Кунаково. Там называлось это Тарасовка. Ну, а называлась почему так? Потому что там, значит, семья была Тарасовых, слишком долго они там жили — как раз и мой отец отсюда же. Вот так. Это Тарасовка была. ‹…›

[А почему «Самара» называлось то место?]

АНД: А вообще это сейчас трудно сказать. Вообще-то ведь это нужно тогда начинать с Зарайска. Все это виновные были татары, когда проходили. Значит, это нужно посмотреть на Зарайск-то. ‹…› «Самара» — это опять-таки татарское название. Самара. И Кунаково опять-таки… Кунаки — Кунаково. ‹…› «Самара», моя «Самара». Тем более, мы пели так: «Ах, Самара-городок, неспокойная я, успокой ты меня». *(Илл. 31)*

Комсомольский парк

1. ДНГ: Ну да, это по улице 40 лет Октября — там несколько домиков осталось. А вот это вот, представляешь, тут были дома, дворы хорошие. Вон тут тоже около двориков занимали, что-то высаживали: какие-то растения, травки какие-нибудь. Вот этот вот парк — называется он «Комсомольский» — мы школьниками… школьниками высаживали. Тут ничего не было — представляешь? Вот это все мы сами высаживали… деревья сажали. То есть вообще ничего не было.

Кинотеатр «Космос»

1. ДНГ: Ой, «Космос» был раньше, чем «Старт». Ой, какой же он… Как же мы радовались этому зданию! Во-первых, на втором этаже у нас буфет был: там можно было мороженое съесть, шоколадку купить, что-то выпить там, в смысле, чаю какого-нибудь. Или кино! Ты что… Очередь в кино, ты что! На хороший фильм достать билеты нельзя было.

[А сейчас превратили его в «Пятерочку».]

Превратили в магазин. А у нас же память-то осталась. Как же было здорово! Вот мы… мы же… Это было место встречи молодежи — понимаешь? Все вместе встречались; мы иногда целыми классами ходили в кино все вместе, влюблялись, как говорится… с любимыми ребятами, девчатами ходили *(Илл. 32, 33)*.

Мамыкин бугор

1. [А Мамыкин бугор начали сразу называть, прямо как он построился?]

НМИ: Ну, это, так скажем, неофициальное название. Она была улица Набережная. Вот эта речка была — мы в ней купались, она была очень чистая — Вобля. Мы там все де[тство]… Овраг у нас какой был здесь, разнотравье. Вот, и поэтому он назывался «бугор». А там Мамыкины — они первые самые получили участок. Поэтому вот Мамыкин бугор так укоренился. ‹…› Здесь первыми на нашей улице стали строиться Мамыкины[24] ‹…› Была у нас учительница химии, Марья Ивановна Мамыкина. Они здесь начали строить дом — вот тут, от меня через два дома, 29-й. Это у них был первый дом. Они долго-долго [строили]. Это был первый кирпичный дом *(Илл. 34)*. ‹…› Дома строили вот по всей улице — это называется шлакозаливные. Что это такое — это когда давали из котельной вот эти вот, как уголь сгорит, оставался шлак. Строили фундамент из ничего, можно сказать, потом строили опалубку, мешали вот это вот все, заливали в так называемое кольцо. Я просто это помню уже. И застывало, поднимали следующий — вот так строили. Это называется шлакозаливное. У меня подруга говорит: «Как ты еще в этом доме живешь? Как он у тебя не развалился?» [Дом постройки] [19]55—[19]56 года. А переехали — вот стены были, и крыша была. Потолка не было. Вот соседи строились, а жили у нас, спали на полу, потому что жить было негде. Тогда жили очень бедно, простые тогда жили очень бедно. Даже вот на это, чтобы построиться, нужно было ссуду взять какую-то, потому что материала не было. Все было очень сложно. ‹…› У меня даже уже полуистлевший листочек сохранился. Тогда еще город не городом назывался, потому что сейчас вот эти наследственные дела все очень сложные, я тут приводила в порядок. Написано… я могу даже достать его, показать этот листок… там написано, что выделяется Новикову Ивану Васильевичу участок в деревне Кунаково. А Кунаково — знаешь, это где?

[Да, вот у «Космоса», там дальше, к Пушкина.]

НМИ: Вот, вот… да, вот, и сюда, да, ближе к перекрестку. Это называлось Кунаково.

2. ЛГП: Мамыкин бугор. Так вот Мамыкин бугор — это… Мы в 39-м [цехе] работали, а в 39-м формулярном работала его дочка Оля. Это его дочка, Мамыкина. И я там, когда мы что-то разговорились, она говорит: «Ну, я же Мамыкина была». Я говорю: «Да ты что!». «Я же, — говорит, — дочка Мамыкина, который первый построился на…» И вот мы когда приехали, и уже этот бугор, назывался «бугор» он почему-то, Мамыкин бугор…

ДНГ: Ну, он потому что высоко.

ЛГП: Да.

ДНГ: Раньше кладбище лошадиное было. Да, мне говорила Тюрина.

[24] Михаил Георгиевич Мамыкин, работник ЛМЗ, и его жена Мария Ивановна.

ЛГП: Ну, может быть.

ДНГ: Да, где бугор — там хоронили где-то лошадей. Именно лошадиное кладбище. ‹…› В каком году строили [дома на бугре] — вот когда мы начали квартиры эти получать [в середине 1950-х годов], нам давали квартиры, и они в это время начали…

ЛГП: Мы в [19]69-м приехали, 1 октября — эти дома уже стояли. Несколько домов там. Не полностью улица, но домов 5–6 стояло.

‹…›

ЛГП: Это будем так говорить: от улицы Жуковского — если сейчас взять — до улицы Мира — это была картошка. И вот мы шли по улице Жуковского, как бы продолжение, на бугор туда…

ДНГ: Это расстояние вот от школы [№ 2] и до бугра…

ЛГП: Ну, километр точно.

ДНГ: …и казалось, никаких домов, ничего — поле! Представляешь, как страшно было ходить?

ЛГП: Улица Жуковского, улица Мира. И вот от улицы Жуковского вправо — сады начинались там в низине. А поначалу, от улицы Жуковского, просто лужайка была, луг. А здесь вот, я запомнила, вот идешь — а здесь картошку сажали. Но я не помню, полностью до Мамыкина бугра сажали?

ДНГ: Полностью там.

ЛГП: Полностью. Ну, в общем, ‹…› от Больничного [проезда] до Мамыкина бугра, вот именно между Жуковского и Мира картошку сажали. А потом вот им уже дали от Мира… от Мира по левой стороне, вот уже сады им дали.

ДНГ: Это [19]57-й год.

Черемушки

1. [А «Черемушки» — это какой район?]

НМИ: Вот эти вот дома. Ой, я уже и забыла это название. Это вот эти, по Жуковского, вот с этой стороны пятиэтажки.

[Между Жуковского и Мира — вот эти, да?]

НМИ: Ну, да, да, да. Вот мы их тогда, знаешь как — в Москве Черемушки, тут Черемушки. Ты знаешь, уже все это как-то ушло. ‹…› Вот дорога идет на больницу, да, и вот досюда, до нас.

[От Больничного проезда до Набережной?]

НМИ: Да, да, да ‹…› вот это были у нас «Черемушки». Надо же… забыла.

[А вот та территория, которая от Черемушек, наоборот, туда, в старую часть — она как-то называлась одним словом, нет?]

НМИ: Ну, я даже не знаю. Мне кажется, мы ее никак не называли.

2. БИН: А, на бугре — Черемушки вот у меня бабушка говорила. Черемушки — это вот на [улице] Набережной. Набережную у меня бабушка называла Черемушки почему-то.

ДНГ: Это вот за больницей туда, к бугру — это Черемушки называлось. Между Жуковского и Мира — вот этот массив назывался Черемушки.

БИН: У меня просто бабушка так называла. Я говорю: «Бабушка, ты куда?». Она ходила на «Технику», в магазин «Оксана», потому что там дешевые цены. И вот она говорила: «Я пойду в Черемушки».

ДНГ: Да, там это место, от Больничного проезда туда до бугра, вот эта застройка, новая застройка *(Илл. 35)*. Новая, вдруг — не строили, не строили, а тут как раз молодые специалисты понаехали в [19]70-е годы, и нужно было их благоустраивать, как говорится. И начали застройку, бурную застройку, это [19]70-е годы. Вот это место называли Черемушки *(Илл. 36)*.

3. ДВА[25]: И оттуда — Кировская, Костромская [области] — агитаторы вот ездили, собирали [работников на ЛМЗ]. ‹…› На заводе были не то что свободные места — народу не было. Народу же не было.

ДНГ: Цеха строили, нужно было…

[Когда он расширялся, завод?]

ДВА: Да. Там ведь было до 9 тысяч работающих, на нашем заводе. 8,5–9 тысяч было. Это когда было… 29-е МиГи когда делали, много-много, везде выпускали… перед перестройкой. В [19]80-е. ‹…› Ну, когда мы приехали – вот этих улиц даже не было, нашей [ул. Островского], ни это самое… [Черёмушек] ‹…› Доковский дом один стоял — [ул. Жуковского], 17 [последний дом перед Больничным проездом]. А вот этого ничего не было. ‹…›

[А где вас поселили, когда вы приехали сюда?]

ДВА: Вон общежитие — 8-е, 6-е, 10-е общежития были [трехэтажные кирпичные дома по ул. Жуковского, д. 6, 8, 10]. Одно мужское, а 8-е было женское. А потом уже, через два года — вот по улице Мира, д. 20. Ой, тоже, Господи не приведи… 15 лет я квартиру ждала. И вот, конечно, на заводе, особенно первые годы, выживали… Я вспомню как эти копе[йки]… ну, тяжело было – что там говорить? Я уже много раз собиралась куда-нибудь уехать отсюда, бросить. ‹…› Ну, первые годы веселые в то же время были.

ДНГ: Ну, молодые потому что…

ДВА: Да, хватало еще энергии, силы как-то вот. В техникуме учились… до 8 учишься, бежишь, а ведь уже все закрыто. В общежитии как[ой]-то буфет был — какой-то кефир можно было купить, булочку там что-то… Ну, в выходные все-таки мы готовили, как-то старались. ‹…› А потом я в [доме] 16-а [по ул. Мира] даже жила — это уже семейное общежитие. ‹…› Вот это наш дом [ул. Островского, 1], мы здесь живем 35 лет. Мы полтора года жили в 16-а.

[А, общежитие семейное…]

ДВА: [Да], Мира, 16А. Потом я пошла уже… мне было за 30, пошла отрабатывать за квартиру. То есть без всяких этих, левых-правых путей, полтора года я на стройке работала — кирпичи носила, штукатурила.

[Вот прямо на этом доме?]

ДВА: Не на этом… могли дать в любом доме. Мне дали вот в этой вставке кирпичной квартиру, а потом мы съехались с бабушкой.

[То есть прямо буквально нужно было полтора года после работы или в выходные?]

ДВА: Нет, мы переводились, за 100 рублей зарплата, переходили на 3-й разряд строителя. И кирпичи таскали, и цемент, и раствор… ‹…› Я пошла отрабатывать [за квартиру] в [19]83 году.

[25] ДВА — Демина (Микишева) Валентина Аркадьевна, 1953, родилась в Кировской области, приехала в Луховицы в 1970-е годы работала на авиационном заводе, ныне на пенсии. Невестка ДБВ.

Греческие дома

1. ДНГ: Там же был овраг. Вот эти дома, которые греческие… Тектониди[26]… Называют «греческие дома» — он там от завода начал строить дома для заводчан. Напротив гастронома — там [ул. Пионерская, 24–33]. Греческие — потому что Тектониди [начал застройку]. Там была канава, ров. И вот эти дома стоят на насыпном грунте. Там естественный был ров. И там планировали ставить лодочную станцию. Хотели запруду делать, и хотели, чтобы… Почему вот эта [улица] Набережная называется? Вот хотели там типа набережной, понимаешь… Наверху Набережная у нас называется, вот где церковь — это Набережная. Это вот конец Набережной. Набережная и потом завод. Остановка «Набережная»…

[А греческие дома напротив гастронома, вот как въезжаешь на Жуковского, где рынок?]

Напротив гастронома, да… да, да, да! И там раньше был овраг, и мы там на санках катались, в этот овраг. ‹…› И там вообще ничего… Не знаю, как они могли строить дома в этом месте. Там был ров. Привезли землю, понимаешь… насыпной называется…

[Почему в другом месте не стали строить?]

А где еще строить?

[Не знаю. Ну, вот тут, в поле.]

А там коммуникации все — водопровод, там все, газ, там все уж. ‹…› Судили-рядили — ну где? Там дальше речка, спуск-то… где стадион там… там как?.. Где строить-то? Там вот чугунка — запретная зона. Здесь вот [на поле за больницей] нельзя строить — здесь нефтепровод у нас идет, нельзя строить. Нигде нельзя было строить. И вот они решили на насыпном грунте строить.

Репинский пруд[27]

1. [Репинский пруд — это что такое?]

ДНГ: Ну, это для заводчан решили вырыть. И запруду сделали где-то там. В [19]60-х годах.

[А почему Репинский?]

А потому что Репин был у нас… как это называется?.. на заводе руководитель, организатор культурный… культурного досуга, видишь. Вот он этот лагерь ходил-смотрел, место для лагеря, для заводчан вот это озеро. Культбыт что ли — вот как-то назывался… Это такая вот должность.

2. [А Репинский пруд почему так?..]

НМИ: А потому что его это самое… Тимофей… как его отчество-то было? Он его, в общем-то, построил.

[Вырыл?]

НМИ: Ага.

[26] Севастьян Спиридонович Тектониди, родился в 1940 году, грек, в 1985–1993 годах был руководителем ЛМЗ, в 1993–1996 — зам. главы администрации Луховицкого района, в 1996–2009 годах — главой района.

[27] Ранее в Луховицах были и другие топонимы, образованные по тому же принципу: первый магазин в городе (магазин № 11) назывался «Жбановский» по имени первых продавцов, семейной четы Жбановых; первые детские ясли (ул. Мира, 3) назывались «Романовскими», а первый детсад (ул. Мира, 4) — «Деминским» (по именам их директоров). Ныне в здании магазина фитнес-клуб «Зевс», яслей и детского сада уже нет, эти топонимы сохраняются лишь в памяти старожилов.

[Сам?]

НМИ: Ну, там… Там был овраг, и там немного нужно было усилий приложить, чтобы запрудить. Мы там купались, рыбу ловили.

ДНГ: Зона отдыха.

3. [А почему пруд — Репинский?]

ДБВ: Потому что был замдиректора завода по административно-хозяйственной части Репин Тимофей Андреевич. ‹…› Значит, там был овраг и… ну, речка — не речка, ручеек — не ручеек. Ну, короче, где овраг — там обычно родники. Ну, текла такая небольшая речушка — она в Воблю впадала. Подумали, посмотрели — решили овраг перекрыть, плотину построить. Ну и построили плотину — образовалось озеро. Поскольку родники — то не тухлое озеро, а такое, довольно ничего. И там рыба развелась, там и карасиков запустили. Можно было искупаться, порыбачить. Это сейчас его, вот, там ремонтировали… не знаю, сам-то я так только — мимо проезжал на машине, а посмотреть… Хотели улучшить, но народ чего-то недовольный: жалуются, как-то, говорят, не так все делают. ‹…› Там и караси были тоже такие — о-го-го! — по килограмму с лишним.

Карьеры

1. ДБВ: Их давно вырыли — после войны. Дело в том, что в СССР не так много залежей такого песка, который имеется здесь, на карьере. Это формовочный мелкий песок. ‹…› Их всего несколько — может, 3–4, не больше (а то и 2–3) — месторождений формовочного песка. Потому что для формовки нужен песок мелкой формации. Причем определенного химического состава, чтобы он особо и не рассыпался, и не особо слипался. То есть это стратегический объект. И как его, так сказать? Снимают верхний слой, там, землю убирают — там, может, полметра, метр–полтора. Ну, обычно в этих местах сосны растут, потому что там эти родники. А потом начинают его добывать. Вначале экскаватором, а потом родники вступают в свое действие, пробиваются наружу — получается водоем. А раз водоем — уже экскаватором не возьмешь — значит, насосами эту воду с песком гонят, заодно и размывают. Туда от железной дороги ветка была построена. Подгонялся состав и загружался песок. То есть песок намывали — такие большие, как бы пирамиды (по типу египетских) — он заодно чистый, промывался; бери его экскаватором, ковшом и грузи в вагоны. Загрузил вагон — следующий. Ну, а в последнее время — не знаю. Первый карьер, где поселок вот — там уже давно не работают, второй — тоже давно бросили. За ним дальше, в сторону леса, к Красной пойме — третий, маленький, но там, может, хуже он, меньше разработан. А то и туда дальше, еще куда, вот, мы ездили — четвертый, пятый и шестой [карьеры]. А седьмой, который по эту сторону железной дороги — его позже стали разрабатывать. Ну, не знаю — там вроде бы до сих пор что-то добывают. Там глубины где-то метров 12, а то и больше — может, 15.

2. [А когда стоял выбор, куда пойти — на Репинский, туда за «Космос» или на карьер?]

НМИ: На карьер, конечно. Я не знаю, как вы, — мы на карьер. Мы и зимой, и летом на карьер ходили. [Зимой] на лыжах катались. На лыжах на карьере, там хорошо очень… А летом, конечно, на карьер. Вот причем вот этого первого карьера не было, который за переездом вот он… А мы далеко в лес ходили.

ДНГ: Во второй мы ходили.

НМИ: Да, там несколько карьеров.

ДНГ: [На первом карьере] разработки были, там доски плавали, ну, нельзя было купаться. ‹…›

[А вас когда начинали отпускать родители одних, с друзьями? В каком возрасте?]

НМИ: Мы маленькие были — уже ходили на карьер. Я думаю, в классе 7–8-м уже на карьер ходили.

ДНГ: Одни.

3. [А местные больше на первом, на седьмом карьере отдыхают, на каком вообще?]

МСА: Первый и седьмой, в основном. Первый, скажем так, более оборудованный, там есть кафешки, есть магазинчики, есть катамараны хорошие, более цивильный. Седьмой — он более дикий, там, в принципе, хорошие песчаные пляжи большие. Тем не менее там нет никакой инфраструктуры.

БОА: Дело в том, что седьмой еще до недавнего времени [был] в разработке. То есть он постоянно в разработке, не всегда там можно уютно расположиться.

МСА: Плюс седьмой — единственное озеро по эту сторону железной дороги. Если, например, переезд закрыт, то просто сворачивают на седьмой и все, если ждать не хочется. Но в выходные дни в жару дальние озера тоже битком, тяжело найти место, там в основном с палатками.

Памятники

1. НМИ: Луховицкие памятники… Первый памятник — по-моему, Воробьеву был у нас памятник, когда он погиб. Вот сейчас его переделали, раньше он был около «Космоса»: ну, простой, из металла сделанный такой, да, вот когда он разбился *(Илл. 37)*.

[Получается, он был другой изначально? Этот вот недавно сделали?]

НМИ: Вот этот — да, вот тоже к какому-то юбилею, то ли к его гибели… вот этот вот сейчас новый *(Илл. 38)*. ‹…› [Первый памятник] — металлический обычный памятник ‹…› он смотрел на «Космос». А сейчас там вот это вот дерево-то с этими свадебными замками висит *(Илл. 39)*. Вот это был самый первый памятник.

2. НМИ: Остальные памятники… Я не знаю. А к памятнику Огурцу *(Илл. 40)* как-то никак не отношусь, абсолютно никак. Я помню, где-то мы были, отдыхали, едем оттуда — звонят из Прибалтики мои знакомые, родственницы, говорят: «Сейчас по интернету нашла, что у вас в Луховицах памятник огурцу открыли». Кстати, да, это не первый памятник в России, еще есть памятники огурцу — не только у нас. Это уже Тектониди, это его детище. А больше, какие у нас здесь памятники? А, нет, потом памятники вот участникам локальных войн. Их сейчас перенесли; он был вначале вот где сейчас рыночек в Луховицах, а сейчас перенесли их, по-моему, к Вечному [огню]. А, ну вот памятник… сейчас скажу… в [19]67 году… в [19]67-м или в [19]65-м — когда открывали? По-моему, в [19]67-м. Вот этот памятник луховичан[ам], погибшим в войне — около которого митинги 9 Мая проходят. Ну, ты же помнишь, вы же тоже ходили. Да, около Черной [речки], ну, Вечный огонь-то, вот этот памятник, да. Я еще помню, что мы собирали деньги на этот памятник, вот так. Он был к какой-то дате открыт, но это было [не юбилей Победы], нет. Я уже в школу…

Мы в [19]65-м закончили школу, я уже не училась в школе. Он был какой-то дате посвящен, он в декабре открывался. Это была то ли какая-то дата — битва под Москвой, вот что-то такое. Это была осень, такая, помню, слякотная, уже декабрь. Вот мне памятник Печкину нравится, Почтальону Печкину [возле почты, ул. Жуковского, 2/8] *(Илл. 41)*. Это тоже Тектониди. Вообще, я считаю, в городе очень много связано хорошего с Тектониди. ‹…› Вот много что построено в Луховицах, зримо построено — это связано, конечно, с Тектониди. ‹…› И вот при нем как раз и появились — памятник Печкину, памятник Огурцу. А так — какие у нас здесь памятники? Собственно, чем Луховицы-то знамениты? Ну, чем? ‹…› А, Пушкину еще. Пушкину — это тоже Тектониди. Но он вначале стоял на перекрестке, где «Макдоналдс» сейчас [ул. Куйбышева, 67]. А потом его вот в этот «Пушкинский дворик» [парк им. А. С. Пушкина вдоль ул. Жуковского перед д. 5]. Почему там «Пушкинский дворик» — не очень понятно. Ну, во всяком случае, сюда его, в город перенесли. И то — 6 июня же день рождения Пушкина там устраивается у нас, литературные чтения библиотека устраивает *(Илл. 42)*.

3. ДНГ: Пушкин… он был у нас на перекрестке. А знаешь, чей это дом был? Это Кольникова дом был, родительский. И им предложили квартиру, чтобы поставить там памятник [Пушкину]. Да. А потом, видишь, «Макдоналдс» его убрал, и Пушкина поставили сюда [на улице Жуковского]. ‹…› «Макдоналдс» заплатил за это место, его оттуда сняли и сюда привезли ‹…›

[А почему тут Пушкин именно?]

А потому что улица Пушкина у нас вот эта основная, вдоль зарайской дороги — это улица Пушкина у нас. ‹…› Это все Тектониди… И Огурец, памятник Огурцу — это его заслуга. И вот этот вот Почтальон Печкин — это тоже его заслуга, Тектониди.

4. [Если посмотреть на памятники. Какие ты памятники важные назвала бы в городе?]

БИН: Пушкина, конечно, первый. Потом, памятник Огурцу сейчас построили. Ну, Печкина — вот эти три основных.

[А другие помнишь какие-то?]

БИН: Самолет, конечно, еще. *(Илл. 43)*

[Самолет — это у «Старта»?[28]]

БИН: Да, памятник самолету. А еще погибшим солдатам там памятник.

[Это который?]

БИН: Это у «Космоса», сейчас поставили там монумент такой. Напротив булочной.

Детская площадка, у «Старта» детская площадка, и там памятник стоит.

ДНГ: Это Воробьеву.

БИН: А, ну может быть, Воробьеву.

[А там, где эти деревья, напротив «Космоса», эти деревья свадебные с этими замочками? Там раньше был памятник, не помнишь?]

БИН: Был какой-то памятник.

[28] У ДК «Старт» с советских времен стояли самолеты, в том числе производства ЛМЗ, — АН-10, ИЛ-14, ныне — МиГ-23.

[Какой? Не помнишь?]

БИН: Там Воробьеву, по-моему.

[Вот его оттуда и перенесли, значит, да. А ты не знаешь, с этими памятниками что-то делают, вот, скажем, с Печкиным? Натирают им какие-то части на удачу или что-то?]

БИН: Мне кажется, там просто дети на них сидят, и все, где Печкин: то на руле, то на багажнике, то на раме.

ДНГ: Они и фотографируются, и там залезают. Кто здесь приезжает, те сразу туда идут, там фотографируются.

Местные бренды

Огурцы

1. МСА: У нас, кстати, когда выйдете [из Луховицкого историко-художественного музея, ул. Советская, 8-а] на улицу, налево повернете и зайдете за угол, там есть настоящая грядка огурцов, в этом году посадили, можете посмотреть воочию, как они сейчас там как раз цветут, там как раз есть огурцы *(Илл. 44)*. А здесь у нас макет. Луховицкий огурец — это не сорт, как мы думаем, это производство. Это то, на какой земле растет и как его выращивают. В первую очередь, луховицкие огурцы — это наши низа, поокские села, где заливные луга. Ока, когда весной разливается, приносит ил, по плодородию сравнимый с илом Нила. По крайней мере, раньше в советское время было, сейчас, конечно, экология меняется, уже пять лет разлива не было, к слову сказать. У нас, кстати говоря, по всей Московской области паромная переправа, причем аж три штуки. Больше в области нигде нет парома, военные только. В разлив заливаются поля, почва увлажняется, удобряется, и поэтому овощи у нас в целом там растут очень хорошо. Зерно, как я говорил, гниет из-за влажности, а овощи растут. И примерно в [19]60-х годах начали у нас выращивать огурцы. Самый бум продаж и выращивания приходится на [19]90-е годы, как раз такое тяжелое время финансово. Тем не менее наши огуречники в [19]90-е годы за один сезон зарабатывали на машину, за два сезона строили кирпичный дом. Они назвали огурцы золотом. Там фотографии как раз примерно того периода, видите, да, где много-много пленки, это как правило, огороды были все частные, никакого там промышленного производства не было. 20 соток чисто одних огурцов — это адский труд. Когда солнышко только-только начинает пригревать, еще снег на лежит, снег на грядках посыпают черной торфяной крошкой, снег тает быстрее из-за того, что черная крошка притягивает солнце. Как только снег сходит, укрывают черным укрывным материалом, либо черной пленкой, каждые 40 сантиметров оставляют отверстие для последующей высадки. Сразу же в межу сыпят солому, потому что солома опять же держит тепло, держит влагу, не дает расти сорнякам, и сразу ставят малую дугу. Таким образом, вот уже под двумя слоями плюс солома землю прогревают. Как только земля прогревается, высаживают огурцы, ставят большую дугу, получается, такая самодельная теплица. Таким образом, у наших огуречников уже в середине мая есть огурцы на продажу. Это колоссальный, адский труд, всей семьей там всегда занимались этими огурцами с утра до ночи: полив, прополка, раз в два дня сбор огурцов. Стандартный луховицкий огурец 7–8 сантиметров. Больше, меньше — это уже брак, это уже уцененка, скажем так, идет. Вот с такими столиками, сейчас более такие интересные конструкции делают, вдоль дорог продают огурцы. У нас, да, много продают сейчас, и по низам если ехать, в сторону Зарайска, и по Рязанке стоят. В принципе, самый такой надежный способ сбыта огурцов, в плане, что нет никаких посредников.

Потому что сейчас сложнее, нет рынков в таком изобилии, как раньше. Сейчас наши огуречники, в основном, сдают либо в какие-то сетевые магазины, в Москву возят, в любом случае посредники есть. Еще просто бизнесом занимаются люди, ездят по деревням как раз таки и скупают. Соответственно, уже не та цена, которая идет изначально. Здесь вот можно увидеть карту с географией, куда наши луховичане возили огурцы в [19]90-е годы. В принципе, география приличная, славу заслужили наши огурцы во многих городах. Возили на север, соответственно, на юге свои растут. ‹…› Вот здесь розовая эта бумажка, свидетельство: в 2016 году луховицкий огурец стал официально зарегистрированным брендом. Такую бумажечку может получить каждый луховичанин, нужно только иметь документ о прописке на территории Луховицкого округа и документ о наличии земельного участка. 100 рублей стоит копия такой бумажечки. Наши все огуречники, кто всерьез занимается, они себе, конечно, приобрели такую копию. Если вы где-то покупаете огурцы, вы можете потребовать в качестве доказательств, что они действительно из Луховиц. Опять же, если это не какие-то перекупщики.

2. БОА: Производство-то огурцов уже старое, скажем так, это где-то начало — середина XX века. А чтобы увековечить память… Памятник, который на перекрестке, он где с [200]8 или [200]7 года, а именно зал, посвященный [огуречному производству], открыли [в музее] в [20]15 году. А мы продолжаем дальше традицию, уже живую грядку делаем, живую экспозицию, на улице посмотрите. Огуречную экспозицию [в музее убирать не будем] — это народный такой промысел местный, который славится далеко за пределами Луховиц, поэтому огуречная экспозиция будет *(Илл. 45)*. ‹…› И бренд зарегистрировали уже, то есть это наша такая визитная карточка. Луховицы — город МиГов и огурцов.

3. Эти огуречники — они занимались, у них специальные свои технологии, они увозили все в Москву. ‹…›

[А вот эти огурцы луховицкие — они отдельный сорт?]

Способ выращивания называется луховицкий. ‹…› Это на низах. Низы — это вот… есть «верха» и есть «низы». «Верха» — то есть вот через перекресток — это вот «верха» называется. То есть можно к Оке по этой дороге проехать. А можно на низах, через Красную пойму. Это называется «низа» — Дединово, Ловцы — это «низа». Вот эти места Ока заливала, пойма Оки была. И испокон века там занимались огурцами. Вот они дома высаживали, в бумажных стаканчиках раньше было. Это потом уже стали парники, заливать специально. А то раньше просто в бумажные стаканчики — выращивали, а потом высаживали в грунт. Пленки-то не было. Вот я не знаю, как они умудрялись выращивать. В начале века уже начинали ими заниматься, огуречники-то эти. ‹…› Все в Москву увозили. Здесь не торговали, потому что они же очень это дорого там, в Москве, брали. А тут не возьмешь, прибыли-то никакой. Тут, во-первых, бедно-та. И потом мы сами выращивали. У нас земля была, возможности были, свои огурцы были. И солили, и все.

‹…› А есть люди, которые только на рынке [продукты] покупали. Они сами занимались огурцами, у них деньги были. ‹…› Ну, правильно — они с деньгами были, эти огуречники. Ну, их так и называли — «огуречники».

[А как к ним относились?]

Нормально относились — ты чего? Квартиры они кооперативные покупали, эти люди. Правда, зарплаты на заводе давали меньше, чем на основном заводе, на 30-м [в Москве], потому что: «Вы тут огуречный край, вы с деньгами»,

понимаешь. Да, зарплаты меньше были из-за того, что… Чем на московском заводе. Да оно и сейчас, но тогда они мотивировали так, что мы тут богатые все, понимаешь. А действительно, они [огуречники] очень были [богатыми] — они были миллионерами.

[А если вы, например, не огуречники, вам зарплаты все равно маленькие?]

Ну, считалось, район возможности, поля, вот, пожалуйста.

Лухлома

1. МСА: В [19]70-е годы луховицкий наш лесхоз решил организовать на своей базе цех по производству подобной [сувенирной] продукции. Они из дерева выпиливали, вырезали эту посуду и там же на месте расписывали. Они хотели изначально расписывать хохломой. Они пытались узнать у мастеров хохломы секрет этого свечения. Самое сложное — вот этот золотой цвет, внутри который, чтобы он был такой блестящий, яркий и со временем не блек. Это все подлежит обжигу, то есть производство непростое. Но мастера хохломы не рассказали своих секретов, оставили при себе эту тайну. И наши мастера целый год экспериментировали, прежде чем научились сами делать, подобный цвет получать, обжигать по-своему, но система отличается, хохлому по-другому делают. В начале 2000-х это производство заглохло, цех этот закрылся, потом там в этом здании жили гастарбайтеры. Сейчас оно просто сгоревшее стоит, это здание, где это было. Сейчас, года, наверное, три назад, у нас уже частники занимаются производством, есть она, она живет эта лухлома. Назвали это лухломой, то есть хохломские мастера не рассказали, они видоизменили рисунок и цвета рисунка, он отличается от хохломы, назвали уже лухломой. Свое так свое делать. Не захотели делиться, значит, сами сделаем. ‹…›

ДНГ: У нас на заводе очень тяжелые были события [в 1990-е годы], и очень многие наши женщины ушли туда и расписывали.

МСА: У нас как раз в мое детство в [19]90-е годы тоже были знакомые, которые занимались росписью. Очень было это популярно, у нас дома были даже банки из-под кофе расписаны под лухлому, все, что угодно.

Голубые озера

1. НМИ: А мы в лес далеко ходили на карьер, Голубые озера наши.

[А вы называли их «Голубые озера» тогда?]

НМИ: Нет, «Голубые озера» мы не называли, мы называли «карьер». «Голубые озера» их, наверное, стали позже называть, когда здесь бардовские концерты уже устраивали. Тогда это «Голубые озера», они уже так официально, по-моему, мелькали названия «Голубые озера».

2. БОА: Опять же основное место, лето — всегда карьер, всегда Голубые озера.

МСА: Ну, природа.

БОА: Плюс фестивали вот эти типа «Есенинских струн», которые бардовские. Сейчас в Ганькино проводят, раньше они были на Голубых озерах, а потом, когда пожар уже был в [20]10 году, уже все закрыли. Потому что туда забирались в такие места, в какие там… четвертый, пятый [карьеры]?

МСА: На дальние.

БОА: Туда вообще невозможно было ни на машине пробраться пожарной, там колеи такие огромные. Там даже шлагбаум отдельно вешали, чтобы

именно на эти озера попасть. А сейчас в Ганькино проходит, это как раз Алпатьевское сельское поселение, туда. Это местный фестиваль, но всегда барды приезжают со всей страны. Ему уже более 20 лет, этому фестивалю, где-то как раз в июне он проходит. Это палаточный лагерь, соответственно, песни под гитару.

МСА: Сейчас немножечко изменит свой формат все равно: несколько лет назад бардов стало ездить меньше в связи с отсутствием финансирования, а в основном сейчас туда работники культуры ездят.

[А вы называете «карьер» или «Голубые озера»? Все-таки как привычнее?]

МСА: Привычнее «карьер».

БОА: «Голубые озера» называют неместные.

МСА: У нас все знают, что это Голубые озера, но это больше в Коломне, кто к нам ездит купаться, с Коломны много людей, из Рязани, я знаю, ездят. Особенно на дальних карьерах больше любят дикарями отдыхать в палатках.

БОА: Потом рязанцам, чтобы добраться до каких-то своих водоемов, им проще в Луховицы приехать по прямой, 60 километров. Потому что если они едут в сторону Солотчи или там на Ласковское озеро или торфяные тоже есть у них карьеры, это тоже надо за Рязань уехать по окружной. Это, в принципе, практически [сложнее], нежели через центр Рязани проехать в Луховицы на Голубые озера. Еще Луховицкое море, да, называют карьеры? Я слышала просто, не от местных жителей.

Три столицы

1. [А ты не знаешь эту фразу: «Есть на свете три столицы…» — как там?]

ДНГ: Москва, Зарайск и Луховицы. Да. Это потом уже Тектониди переделал: «Москва, Рязань и Луховицы». И «Питер, Луховицы». Это уже Тектониди тут навыдумывал. «Москва, Зарайск и Луховицы» всегда было — как мы приехали сюда. Это было очень давно. «Москва, Зарайск…» Потом уже «Питер, Луховицы… Рязань, Питер, Луховицы».

[Нет, я помню по своему детству, было: «Москва, Рязань и Луховицы».]

Нет, «Москва, Зарайск и Луховицы». У нас не было Рязани. «Москва, Зарайск и Луховицы».

«Москва, Зарайск…» — это самое было вот такое. Потому что очень был этот город… Я тебе говорю, там такие предприятия были. В печати использовали офсетные эти пластины-то вот эти. [Завод офсетных пластин.] Оно вредное было предприятие, и поэтому они и в санатории… А какое снабжение у них было изумительное! Так что Зарайск — это у нас было самое начало. ‹…› Так что мы с Зарайском — у нас много связано, потому что мы все время ездили, для вас покупали там и одежду, и обувь, и канцтовары.

2. АНД: А это сейчас уже по-всякому. «Есть на свете все столицы — Москва, Рязань и Луховицы». Потому что этот «Огурец», памятник Огурцу — это уже появился во время Тектониди, да, и это почему? Потому что самые огуречные районы у нас были — это «низа». Это что, значит, за «низа»? Это если вот от Красной поймы туда двигаться, к Оке. И вот там, на этих «низах» — все-таки там водички было много, там когда бывает разлив… Разлив иногда бывал такой, что до Красной поймы доходила вода. Поэтому так. А потом уже начали: «У нас три столицы — Москва, Зарайск, Луховицы» — вот так уже говорят.

[А самый изначальный вариант — «Рязань», получается?]

ДНГ: Нет, Зарайск.

АНД: Зарайск все-таки? Нет, вот я не помню. Почему? Потому что дело в том, что здесь по-всякому назывался этот самый памятник, да. Но памятник все-таки поставлен.

[Памятник-то Огурцу — он поздний. А вот это выражение-то когда вы помните?]

АНД: Когда этот «Огурец» поставили сюда.

[А вы в детстве не помнили эту фразу?]

АНД: Нет. Этого нет, не помню.

ДНГ: А-а! А я-то хорошо помню. «Москва, Зарайск и Луховицы» — это у нас было…

[Значит, это соцгородская какая-то фраза, получается.]

ДНГ: Потому что поставили этот вот памятник как раз по пути в Рязань, поэтому здесь и написали.

АНД: Поэтому здесь «Москва, Рязань и Луховицы» говорили.

3. НМИ: Так, и еще какое-то там, было другое сочетание… «Москва, Париж и Луховицы» — вот еще что. Вначале висело «Москва, Париж и Луховицы» — это на растяжке. В детстве этого не было никогда.

ДНГ: Ну, не знаю, мы говорили.

НМИ: Да ладно, мы не говорили никогда, я не помню этого. Это появилось, когда Тектониди был, вот эта вот глупость появилась на растяжке, когда построили этот переход [надземный переход через трассу, где она пересекает ул. Пушкина — дорогу на Зарайск].

ДНГ: «Москва, Питер, Луховицы…» он написал, это его задумка. Но у нас было по-другому.

НМИ: Я, честно, это не помню. Может быть, но со мной это никак не связано. Я помню, что я это точно не говорила никогда.

4. [А еще это растяжка там висит на М5 в сторону Рязани «У нас на свете есть три столицы...» Как ты помнишь с детства, как говорили?]

БИН: Так и говорили, как написано: «В России три столицы: Москва, Рязань и Луховицы».

[Вот там сейчас «Рязань» написано, а еще был «Питер» написан какое-то время назад.]

БИН: Мне кажется, «Москва», «Рязань», про Питер ничего, это они, наверное, сами придумали. На растяжке [было], а мы так не говорили, говорили: «Москва, Рязань и Луховицы».

ДНГ: В общем, когда ставили эту растяжку, Тектониди написал: «Москва, Питер, Луховицы». А сейчас уже поменяли, сейчас написано «Рязань».

МСА: Их здесь два варианта. «Есть на свете три столицы: Москва, Пекин и Луховицы». А есть, которая у нас напечатана: «Есть в России три столицы: Москва, Рязань и Луховицы». То есть, в принципе, два варианта, но это тоже народная, мне кажется, вещь, потому что авторов я тоже не знаю. Они давно у нас эти ходят такие поговорочки наши местные.

[Вы с детства, наверное, это знаете?]

МСА: Да, да.

[А про Пекин я раньше не слышала, например.]

БОА: Это было до Рязани.

МСА: Эта более старая версия.

БОА: По разговорам местных жителей. Рязанцы, это же Рязанка у нас дорога.

МСА: Ну да, дорога на Рязань идет.

БОА: Рязанцы всегда говорили: «Ну надо же, мимо нас, по сути в нашу сторону едут, а как Рязань-то ни при чем?!» На одной же ветке Москва, Рязань и Луховицы.

ДНГ: А я слышала, что Москва, Зарайск и Луховицы.

БОА: А Зарайск — он вообще сбоку. Зарайск ни разу, скажем так, массово не упоминалось. В свое время, когда президентом России стал Владимир Владимирович Путин, уже на баннере, который перегораживал, закрывал переход, там было написано: «Москва, Питер, Луховицы». ‹…› Она сейчас периодически обновляется, тогда в свое время «Москва, Питер, Луховицы» там указывали. То есть чтобы выказать выказать уважение, скажем так, президенту.

МСА: «Москва, Питер, Луховицы» там тоже была. Такая версия мне не нравится, потому что Питер как-то не звучит.

ДНГ: В мире, в мире [три столицы]! Поэтому Пекин лучше звучит.

МСА: С Пекином благозвучнее все-таки.

БОА: Это про мир когда поговорка, а у нас начало же тоже поговорки: «У нас в России три столицы: Москва, Рязань и Луховицы». То есть и Рязанская область, деревни…

МСА: С Рязанью тоже звучит.

БОА: Да. Именно про Россию, когда про мир, да, там Пекин, конечно.

[Я в детстве слышала про Рязань, но судя по тому, что раньше — ты слышала гораздо раньше про Зарайск.]

ДНГ: Я в [19]53 году сюда приехала, у нас было «Зарайск и Луховицы». До нас «Рязань» была — это что-то! Это было так далеко...

БОА: Мы были Луховицы Зарайского уезда Рязанской губернии, поэтому Зарайск прямо подчинялся Рязанской губернии. Потом только Луховицы отошли к Коломенскому уезду.

ДНГ: Вот мы здесь, когда приехали, для нас Рязань эта была — мы туда не ездили. Вот у нас были Луховицы и Зарайск, все!

БОА: Это именно местные.

ДНГ: Да. У нас была такая поговорка, может, мы между собой так говорили. ‹…›

БОА: Конечно, это именно народная такая вещь, поэтому ее истоки особо не известны, да, кто это начал и кто придумал.

***

Как видно из интервью, 1990-е годы оказались важным периодом для «городского текста» Луховиц не только из-за известных общественно-экономических трансформаций, но и из-за той роли, которую сыграл в жизни города директор завода и затем глава района С. С. Тектониди. С его уходом с должности активная деятельность по трансформации городского пространства сошла на нет, поэтому и «символическое бурление» несколько затихло. В эти

же годы, впрочем, информация о Луховицах, истории и достопримечательностях активно распространяется в интернете — в публикациях местных краеведов, гостей города, путешественников, просто любопытных людей, а также интернет-СМИ. Участники разных форумов активно обсуждают наиболее яркие и известные факты о Луховицах — огуречный край, «третья столица России», истребители МиГ… Эти факты легко увязываются вместе, так что получается вполне логичная конструкция: Луховицы — «третья столица» потому, что она столица огурцов и МиГов[29].

Этот конструкт возвращается в город, влияет на его восприятие жителями, переформатирует коллективную память и вернакулярную топографию и в итоге изменяет городской текст. Эти изменения отражаются в новых публикациях местных краеведов, в экспозиции музея, культурных мероприятиях — что, в свою очередь, вновь влияет на внешнее восприятие.

По интервью мы видим, что версии «городского текста» и локальной памяти уже отличаются у людей 1940-х и 1970–1980-х годов рождения, хотя это все еще был период longue durée, как мы теперь понимаем. Было бы интересно посмотреть, как меняется картина пространства и локальная история у представителей более младших поколений — 2000-х и далее годов рождения, периода информационного бума. Это дело будущих исследований.

Иллюстрации



Илл. 1. Растяжка над трассой М-5 с надписью «В России три столицы — Москва, Рязань и Луховицы!», гербом Луховиц и истребителями МиГ. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова

[29] См., например, статью: [Харламов 2004], а также публикации на форумах: [https://zen.yandex.ru/media/club_starec_62/istoriia-proishojdeniia-pogovorki-est-v-rossii-tri-stolicy--moskva-riazan-i-luhovicy-5efdd58a868577791bfbfbff]



Илл. 2. Один из сохранившихся «финских домиков». Ул. Пионерская. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 3. Одно из четырех первых многоэтажных зданий в Соцгороде, бывшее общежитие, позже вечерняя школа. Ул. Жуковского, 6. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 4. Ул. 40 лет Октября. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 5. Ул. 40 лет Октября. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 6. Двухэтажный дом по ул. 40 лет Октября. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 7. Ул. 40 лет Октября, 36/7. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 8. Ул. Пионерская, 20/1. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 9. Городская баня, ул. 40 лет Октября, 34. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 10. Луховицкая ЦРБ, ул. Мира, 39/5. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 11. Школа № 2, ул. Мира, 12. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 12. Кинотеатр «Космос», ул. Гайдара, 4. 2009 год.



Илл. 13. «Пятерочка», ул. Гайдара, 4. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 14. Дом, в котором был гастроном № 1, ул. Жуковского, 1. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова



Илл. 15. Дворец культуры «Старт». 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 16. Сады в Соцгороде. 1960-е годы. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 17. Окончание строительства столовой промзоны (будущего ЛМЗ). 1956 год. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 18. Место, где была заложена капсула с посланием «Комсомольцам 2018 года». 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 19. Первомайская демонстрация. Вторая половина 1950-х годов
Фото из архива В.А. Деминой.



Илл. 20. День молодежи. Начало 1960-х годов.
Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 21. Дети возле дома 36/7
по ул. 40 лет Октября. 1959 год.
Фото из архива В.А. Деминой.



Илл. 22. Н. Г. Демина (Лемешонок) и Т. И. Быкова (Спрыгина) возле профсоюзного клуба; на заднем фоне — ул. Воробьева, д. 13/1 и д. 8 по ул. Жуковского. Начало 1960-х годов. Фото из архива Н.Г. Деминой и Б.В. Демина.



Илл. 23. Дети во дворе детсада № 1 вместе с директором Н. И. Деминой, ул. Мира, 4. Вторая половина 1950-х годов.



Илл. 24. Н. Г. Демина (Лемешонок) и Т. И. Быкова (Спрыгина) на ул. 40 лет Октября. Около 1960 года. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 25. Яблоневый сад у одного из жилых домов на ул. 40 лет Октября: Н. Г. Демина (Лемешонок) с отцом Г. И. Лемешонком. Около 1954 года.
Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 26. Яблоневый сад у бывшей школы № 2. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 27. Урок в музыкальной школе ведет ее первый директор Л. И. Ковлер. Около 1960 года. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 28. Сцена из спектакля «Макар Чудра». Начало 1960-х годов. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 29. Сохранившийся фрагмент танцплощадки около ДК «Старт». 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова



Илл. 30. Турбаза «Осетр»; отдыхающие подготовили кукольный спектакль. 1983 год.
Фото из архива автора



Илл. 31. «Моя Самара». Ментальная карта Луховиц Н. Д. Авчиной. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова



Илл. 32. Группа молодежи на строящейся ул. Жуковского.
Вторая половина 1960-х годов. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 33. Группа молодежи недалеко от кинотеатра «Космос». 10 августа 1969 года. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина



Илл. 34. Один из первых домов на Мамыкином бугре, 1957 года постройки. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 35. Больничный проезд, за которым начинаются Черемушки — панельная застройка 1970-х годов. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 36. Черемушки. Школьники по ул. Мира возвращаются домой после поездки в подшефный колхоз на уборку овощей. 1986 год. Фото из архива автора



Илл. 37. Первый памятник И. Г. Воробьеву около кинотеатра «Космос». 1 сентября 1985 года. Фото из архива автора



Илл. 38. Новый памятник И. Г. Воробьеву, установленный в конце 1980-х годов на другой стороне парка, возле ул. Жуковского. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 39. «Свадебные деревья» на Аллее влюбленных в парке им. И. Г. Воробьева, установленные на месте первого памятника летчику-герою. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова



Илл. 40. Памятник «Огурцу-кормильцу» на перекрестке ул. Пушкина и трассы М-5. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 41. Памятник Почтальону Печкину возле почты, ул. Жуковского, 2/8. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 42. Памятник Пушкину, ул. Жуковского, 5. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 43. Истребитель МиГ-23 перед ДК «Старт». Фото: Ольга Христофорова



Илл. 44. Экспозиционная грядка огурцов в Луховицком историко-художественном музее, ул. Советская, 8-а. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 45. Фрагмент «огуречной экспозиции» в Луховицком историко-художественном музее, ул. Советская, 8-а. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова



Илл. 46. Изделия росписи «Лухлома» в Луховицком историко-художественном музее, ул. Советская, 8-а. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Литература

Алисов, Д. А., Гефнер, О. В., Золотова, Т. Н., Хилько, Н. Ф. (2019). *Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма*. М.: Институт Наследия.

Белоусов, А. Ф., Строганов, М. В. (Сост.). (2001). *Провинция как реальность и объект осмысления*. Тверь: Тверской университет.

Бугров, К. Д. (2018). *Соцгорода Большого Урала*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Глазычев, В. Л. (Ред.). (2003). *Глубинная Россия: 2000–2002*. М.: Новое издательство.

Зайонц, Л. О. (Отв. ред.), Абашев, В. В., Белоусов, А. Ф., Цивьян, Т. В. (Сост.). (2004). *Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты*. М.: Языки славянской культуры.

Лоу, С. М. (2016). *Пласа: политика общественного пространства и культуры*. М.: Strelka Press.

Тишков, В. А. (Отв. ред.). (2011). *Мы здесь живем. Малый российский город сквозь призму социальной антропологии*. М.: ИЭА.

Харламов, В. (2004, 27 мая). МиГ, «Орел» и огурец. *Гудок*. Режим доступа: https://gudok.ru/newspaper/?ID=760930

References

Alisov, D., Gefner, O., Zolotova, T., Khilko, N. (2019). *Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of the late socialist era.* Moscow: Institut Naslediya. (In Russian).

Belousov, A., Stroganov, M. (Eds.). (2001). *The province as reality and as an object of reflection.* Tver: Tverskoy universitet. (In Russian).

Bugrov, K. (2018). *Socgorods (socialist cities) of the Greater Ural.* Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta. (In Russian).

Glazychev, V. (Ed.). (2003). *The deep Russia: 2000–2002*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Kharlamov, V. (2004, May 27). The Mig, the Eagle and the cucumber. *Gudok.* Retrieved from https://gudok.ru/newspaper/?ID=760930 (In Russian).

Low, S. (2016). *On the plaza: The politics of public space and culture.* Moscow: Strelka Press. (In Russian).

Tishkov, V. (Ed.). (2011). *We live here. The small Russian town from the socio-anthropological perspective.* Moscow: IEA. (In Russian).

Zajonc, L. (Ed.), Abashev, V., Belousov, A., Tsivyan, T. (Compls.). (2004). *The geolandscape of Russian culture: The province and its local texts.* Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russian).